

МАРИНА КРАМЕР

СЕРИЯ УБИЙСТВ
ПОТЯСЛА
ТИХИЙ ГОРОДОК...

ИГРА В КУБИКИ

Криминальное соло Марины Крамер

Марина Крамер

Игра в кубики

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крамер М.

Игра в кубики / М. Крамер — «Эксмо», 2020 — (Криминальное соло Марины Крамер)

ISBN 978-5-04-113611-6

В маленьком провинциальном городке объявился жестокий и изобретательный убийца. Он убивает членов семьи видного бизнесмена Пострельцева и к телу каждой жертвы подкидывает детские деревянные кубики с буквами. Но что он хочет этим сказать? Следователь Каргополова считает, что следы маньяка надо искать в бурных девяностых, когда в их городке начался передел собственности и развернулась самая настоящая война за местный завод...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113611-6

© Крамер М., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Город Хмелевск, девяностые годы прошлого века	6
Город Хмелевск, наше время	11
Фельдшер	11
Следователь	15
Журналист	19
Фельдшер	23
Следователь	27
Журналист	29
Фельдшер	32
Следователь	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Марина Крамер

Игра в кубики

© Крамер М., 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Города Хмелевск не существует. События, о которых говорится в романе, произошли в одном из регионов России много лет назад и в наше время. Автор не ставит себе цели с документальной точностью отражать их, потому возможны допущения.

Город Хмелевск, девяностые годы прошлого века

– А не попить ли нам пивка по случаю жаркого дня?

Трое молодых людей сидели в самом углу залитого ярким солнцем двора старенькой двухэтажной «сталинки» с облупившимися балконами и отвалившейся кое-где лепниной. Недалеко от них пожилая женщина в ситцевом халате и белом платке выбивала потертый ковер, в песочнице возились несколько шестилеток – строили крепость и бороздили дороги к ней при помощи пластмассового грузовичка без передних колес. Из первого подъезда вышла, помахивая нотной папкой, худенькая девчушка лет четырнадцати с тугими каштановыми косичками.

– Эй, Светка! – крикнул тот из парней, что предложил попить пива. – Ты на урок, что ли? Девчонка, чуть притормозив, кивнула.

– Скажи ей, пусть после урока не болтается, там сегодня репинские с котельниковскими стрелку забили, – негромко процедил его приятель – высокий, худой блондин в аккуратных светлых брюках и отглаженной белой рубашке с короткими рукавами.

Парень недоверчиво глянул на него, но крикнул:

– Светка! Домой по Новинкам не возвращайся, поняла?

– Поняла! – девчонка мотнула косичками, показала брату язык и скрылась за углом.

– Совсем маманя твоя спятила, – заметил невысокий, коренастый, в спортивных штанах с красными лампасами и черной футболке. – Лето на дворе, а она девку за роялем держит.

– Это не мамка, а я. Пусть занимается, – отрезал любитель пива. – Она в консерваторию поступать будет, в Москву поедет, у нее талант. Нечего по улицам шляться, пусть играет лучше. Слышь, Глеб... а ты откуда про стрелку узнал?

– Оттуда, – сплюнул под ноги Глеб и многозначительно умолк.

– Ты, Глебася, куда так вырядился, скажи лучше? – не унимался Павел. – Для пивнушки шибко кудряво.

– А я с вами не пойду.

– Чего вдруг? – удивился коренастый. – С вечера ведь договаривались.

– Встреча у меня.

– И с кем? – не отставал он, не переставая жать левой рукой резиновый эспандер для кисти.

– Тебе, Ваньша, знать не надо пока, – отрезал Глеб. – Вернусь – все расскажу.

– Опять к Репе, небось, пойдешь, в «Лагуну»? Так ему вроде не до тебя сегодня, – спросил Павел, вынимая из кармана довольно внушительную пачку купюр и начиная их пересчитывать.

– Бабки убери, слышь, – негромко велел Глеб, оглядываясь по сторонам. – Сдурел? А увидит кто?

– И чего? Пусть видят!

– Ты довыдываешься, Паша, сдаст кто-нибудь участковому – повертишься тогда. И это... никакого пива сегодня, поняли? Вечером можете понадобится. Все, я поехал, – Глеб надел черные очки и, побалтывая на пальце ключами от машины, ленивой походкой направился к выезду из двора, где была припаркована «девятка» изумрудно-зеленого цвета.

Павел и Иван проводили его взглядами, и, когда машина вылетела со двора на высокой скорости, Павел процедил:

– Тебе не кажется, что кто-то стал сильно заноситься?

– Да по фигу... – вяло откликнулся Иван, не переставая работать кулаком. – Ну, нравится Глебасе корчить из себя делового – кто мешает?

– Да он себя мнит правой рукой Репы, ты не видишь, что ли?

– А Репя-то в курсе? – хохотнул Иван. – Брось, Пашка, ты в последнее время просто как пес цепной стал – того и гляди в горло вцепишься.

– Не тебе же...

– Ну, а Глеб тебе где дорогу перешел?

Павел не стал пускаться в долгие объяснения, да это было и не нужно – все трое дружили с первого класса, и если флегматичному Ивану никогда не было интересно бороться за главенство в их маленьком клане, то между Глебом и Павлом всегда возникали конфликты, порой заканчивавшиеся жесточайшим мордобоем, что, однако, не мешало обоим на следующий день обняться как ни в чем не бывало и вместе бежать в школу или на занятия боксом. А там, в зале и на ринге, уже не было равных Ивану, так что с этим спорить ни Павел, ни Глеб не рисковали.

Ваньке прочили большое будущее в спорте, да так бы и было, наверное, не случись развал страны и резкое обнищание всех и вся. На поездки нужны были деньги, а мать Ивана еле сводила концы с концами, работая на местном ликеро-водочном заводе, где все чаще зарплату стали выдавать продукцией. Ванька забросил тренировки, торговал принесенной матерью водкой на вокзале, рискуя быть пойманным милицией, и ни о каком великом спортивном будущем уже не мечтал. Павел заканчивал железнодорожный техникум, а Глеб, единственный из их троицы, ухитрился поступить в местный филиал строительного института. Но появлялся там крайне редко, предпочитая отираться на рынке в компании ребят из так называемой бригады Репы. Эти крепкие парни в кожаных куртках, все сплошь бывшие спортсмены, поддерживали там порядок, не давая конкурирующей бригаде, возглавляемой бывшим «афганцем» Котельниковым, обирать местных торговцев и «челноков». Постепенно к репинским примкнули и Иван с Павлом, а Глеб к тому времени уже сумел завоевать доверие самого Репы – неоднократно судимого Валентина Репина. Павел и Иван были «пехотой», людьми, которые выполняют всю грязную работу, а Глеб же сидел в ресторане «Лагуна» за одним столом с Репой и помогал тому «решать вопросы». Конечно, самолюбивого Павла такой расклад не вполне устраивал, и он не раз намекал Ивану, что друг детства непростительно зарывается. Но спокойный, уравновешенный Иван только отмахивался – ему дела не было до того, кто и какое место занимает в иерархии их бригады, лишь бы деньги платили.

– Меньше знаешь – крепче спишь, – говорил он неугомонному Павлу. – Мы кто? Пехота, пушечное мясо – с нас и спрос маленький. А вот Глеб, если их прихватят...

– Да кто их прихватит? Вся милиция куплена, начальник за второй зарплатой к Репе ездит по пятницам! А мы, и тут ты прав, друг Ваньша, пушечное мясо, и денег нам дают куда меньше, чем тот же Глеб имеет. А чем он лучше нас с тобой? Ну, скажи? – напирал Павел, раздраемый так явно ощущавшейся несправедливостью жизни.

– А у Глеба, Павлик, мозги, – спокойно отзывался Иван. – Мы с тобой только кулаками махать и умеем, согласишься? А Глеб...

– Да что – «Глеб, Глеб»! Заладил, как попугай! Я, может, не хуже Глеба могу схему придумать!

– Ну, рискни.

– А вот и рискну!

И Павел однажды рискнул.

С самого детства он интересовался техникой, умел разобрать, починить и собрать любой бытовой прибор, и теперь эти умения пригодились. Свое первое взрывное устройство Павел опробовал на пустыре и был вполне удовлетворен тем, что вышло. Самым трудным оказалось упрямить Глеба свести его с Репой.

Приятель неохотно согласился, всю дорогу ревниво поглядывал на странный пакет, который Павел нес под курткой:

– Что там?

– Сто грамм! – в рифму отшучивался Павел, хотя, по сути, и не шутил вовсе, а говорил чистую правду – в пакете лежало взрывное устройство, эквивалентное по мощности как раз ста граммам тротила.

В «Лагуне» было прохладно, пахло едой, звучала громкая живая музыка – на небольшой сцене играл на клавишных худой патлатый парень в кожаной жилетке, надетой прямо на голое тело, а перед ним извивались с микрофонами две девчонки, исполнявшие в собственной манере модную песенку, звучавшую, кажется, из каждого окна.

Репа и его приближенные сидели в «кабинете» – так назывался здесь специально отгороженный от общего зала импровизированными ширмами угол с двумя сдвинутыми вместе столами.

– Здорово, Митяй, – обратился к Глебу самый старший – лысоватый, в черной футболке, плотно обтягивавшей худощавое тело. На его шее висела толстая золотая цепь, увенчанная крестом едва ли не в ладонь.

– Здравствуй, Репа, – почтительно ответил Глеб, – вот, привел... это мой друг, говорит, у него есть что тебе предложить.

Глеб сделал шаг в сторону и чуть толкнул Павла в бок так неосторожно, что тот едва не выронил пакет:

– Сдурел?! Сейчас бы все тут на воздух... – Договорить Павел не успел – на него оказались направлены сразу пять пистолетов, и только Репа сидел спокойно, чуть прищурился и скрестив руки на груди:

– Стволы уберите. А ты, парень, в другой раз потише с заявлениями, могли ведь из тебя дуршлаг сделать.

Его подручные спрятали пистолеты и как ни в чем не бывало продолжили ужин.

– Ты садись, – Репа толкнул ногой стул, и Павлу пришлось присесть, неловко взгромоздив пакет на угол стола. – И что это у тебя? Машинка адская, я так понял?

– Да.

– Сам сделал?

– Сам.

– Ну, идем, попробуем, – неожиданно предложил Репа и встал. За ним тотчас же поднялись остальные.

– Где... попробуем? – опешил Павел, совершенно не ожидавший такого предложения.

– А тут недалеко, вон тебе Цыпа покажет, – к ним приблизился широкоплечий парень с обритой наголо головой, которую пересекал тонкий белый шрам. – Ты все сделаешь, а мы поглядим.

Павел замешкался – не так он представлял себе переговоры по продаже собственных услуг криминальному авторитету. И уж точно не думал, что придется демонстрировать работу своего изобретения в жилом массиве...

«Так ведь и до кичи недалеко», – нервно облизывая пересохшие губы, думал Павел, машинально шагая следом за Цыпой. Но и отказаться было уже невозможно.

«Принял мяч – фигачь», – билась в голове фраза тренера по футболу, которым Павел несколько лет занимался в детстве.

Цыпа, к счастью, привел его на пустырь далеко за домами, где была устроена стихийная, хоть и как будто бы охраняемая автостоянка. Охрана носила символический характер и была представлена старым глухим дедом, который давно уже спал в своем вагончике на самом краю поляны.

– Видишь серебристый джип? – спросил Цыпа, сунув в угол рта сигарету и щелкая зажигалкой.

Такой джип на стоянке был один, не увидеть его было невозможно, и Павел кивнул.

– Ну, работай тогда, чего встал.

Первым желанием Павла было кинуть машинку в лицо Цыпы и дать дёру, но, трезво оценив шансы, он понял, что пуля из небрежно сунутого за ремень джинсов пистолета догонит его куда быстрее, а потому решительно направился к джипу.

«Вот я дурак, – ругался он про себя. – Зачем я в это полез? Молотил бы дальше с Ваньшей, зато спокойно – съездили на разборки, отвесили всем или сами отхватили, как уж пойдет, получили свою копейку – и спи спокойно, а теперь... Но уже поздно».

Он установил взрывное устройство под правое колесо джипа, все проверил и вернулся к Цыпе, отдал ему самодельный пульт в виде кнопки:

– Вот.

– Чего – вот? Жми давай.

– Как – жать?

– Со всей дури. Да погоди, давай отскочим подальше. Возьмет от домов?

– Должно.

Они отошли почти к самым домам, и Павел под пристальным взглядом Цыпы дрожащими пальцами изо всех сил сдвинул кнопку. Раздался взрыв, тут же завывли сигнализации, столб пламени взметнулся вверх вместе с металлическими обломками.

– Работает, – удовлетворенно сказал Цыпа. – А теперь ходу. Нас тут не было.

Они быстро удалились от места взрыва, куда уже начали сбегаться зеваки, и вернулись в «Лагуну».

– Работает, – повторил Цыпа уже для смотревшего с любопытством Репа.

– Отлично, – Репа поднялся, похлопал Павла по плечу и протянул налитый до краев чем-то коричневым стакан: – Вот, держи. Сними напряжение.

Павел, поморщившись, бахнул жидкость из стакана залпом под одобрительный смех подручных Репа.

– Красава! – снова хлопнул его по плечу Репа. – Значит, так. Все, что тебе надо для сборки таких машинок, напиши на листочке и отдай Цыпе, он будет твоим напарником. Оплата по факту, так сказать. Заказы будешь получать тоже через Цыпу. И это... дома лабораторию не устраивай, надеюсь, понимаешь?

– Тогда... место нужно... – заплетающимся языком вывернул Павел.

Репа вынул из кармана пачку долларов и кинул ему:

– Тут тебе за сегодня и аванс, купи какой-нибудь гараж, там и будешь работать. А теперь давай-ка вали домой, Митяй тебя проводит. Как тебя кличут-то, кстати?

– Павел. Никулин Павел.

– Значит, Паша, с сегодняшнего дня будешь ты не Паша Никулин, а Паша Подрывник. Все, валите.

Глеб попрощался, дернул Павла за рукав, и они вышли из кафе в теплую летнюю ночь.

– Слышь, Глебася, – еле ворочая языком, спросил Павел, – а с чего ты Митяй вдруг? Ты ж Глеб...

– Что ж тебя развезло-то так... от фамилии это – Митин, вот и Митяй. Ты ж теперь тоже... того... Подрывник! – фыркнул Глеб, и Павлу даже через накатывавший волнами алкогольный туман послышалась в голосе друга неприкрытая зависть.

На следующий день, мучаясь от похмелья, Павел вынул из кармана джинсов деньги, которые ему дал вчера Репа, пересчитал и тихо присвистнул – их было изрядно, никогда прежде Павел не держал в руках такой суммы.

Хватило на старенький гараж в соседнем районе Каляево – чтобы не привлекать внимания соседей и не объяснять, откуда у студента железнодорожного техникума такие деньги. И еще осталось, чтобы взять сестру и сводить ее в коммерческий магазин, где торговали импорт-

ными вещами, и купить модные джинсы, кроссовки и свитер с белыми, бирюзовыми и розовыми полосами.

Наладив производство адских машинок, Павел сразу поднялся в иерархии их группировки, стал человеком незаменимым, и его услуги хорошо оплачивались. Ванька же так и остался «пехотинцем», предпочитая работать кулаками, а не головой, и не видя никаких противоречий в том, что и оплата такого «труда» существенно ниже.

А спустя время Репа смекнул, что вечно трясти мелких торговцев шмотьем не получится, доходы не растут, и взор его упал на находившийся на подконтрольной территории водочный завод – практически единственное работающее предприятие в их регионе.

С этого все и началось.

Город Хмелевск, наше время

Фельдшер

Белая машина с красной полосой на боку и включенной мигалкой неслась по мокрой от дождя дороге.

– Ночью ездить легче – пусто, гони себе, – чуть наклонившись вперед, разглагольствовал худощавый усатый водитель в потертой кожаной куртке.

– Кому легче, а кому и... – глядя в боковое окно, пробормотала молодая женщина в темно-синей спецовке и поправила выбившуюся из туго скрученного узла светлых волос кудрявую прядь.

– Да ладно, Викуля, не дрейфь, может, там ничего ужасного, – ободрил сидевший сзади молодой парнишка.

– Никогда ничего ужасного, это работа. Просто не люблю по ночам на квартиры выезжать.

– Ну, я же с тобой, – самоуверенно отозвался парень, и женщина, повернувшись к нему, насмешливо бросила:

– Вот уж повезло так повезло. Такого защитника посадили... Твое дело, Сереженька, смотреть и учиться, больше не требуется, а остальное я уж как-то сама. И чтобы больше вот этого не слышала – какая я тебе Викуля?

– Все бы вам, Виктория Павловна, меня как котенка в тапки носом тыкать. Ничего, я вот практику пройду, и не увидите меня до тех пор, пока я не стану главным врачом вашей станции «Скорой помощи», вот тогда и посмотрим, – надулся Сергей, а Виктория рассмеялась:

– Только не это! Судя по тому, с какой подготовкой ты на практику явился, тебе стать начальником грозит только к тому моменту, как я на пенсию выйду. Чему вас там в институте учат, а? Ты ведь ампулу с раствором открыть не можешь, главный врач!

Сергей покосился на свежий пластырь, которым были заклеены большой и указательный пальцы его правой руки, и умолк. На предыдущем выезде он ухитрился порезаться, открывая ампулу, да так, что Виктория не сразу поняла, кому первому оказывать помощь – пострадавшему в ДТП или своему практиканту.

– Ладно, Пална, не грузи мальчишку, научится, – добродушно отозвался водитель, поворачивая во двор трехэтажного дома и упираясь в закрытые ворота. – Ну, ты смотри! Вызовут бригаду, а двор на замке! – но к воротам уже спешил мужчина в спортивных брюках и меховой безрукавке – видимо, ночной консьерж. – В каком подъезде пятая квартира? – спросил водитель в приоткрытое окно.

– В третьем, вон туда, направо, – показал консьерж, и Виктория удивилась:

– Пятая квартира, а подъезд третий? Это ж сколько квартир-то на этаже?

– У нас квартиры в доме двухэтажные, в каждом подъезде – две квартиры, – объяснил консьерж. – Проезжайте, а то я промок весь.

– Люди вроде небедные живут, могли бы платную «Скорую» вызвать, – буркнул водитель, поворачивая направо.

– Богданыч, ты-то чем недоволен? – поправляя спецовку на груди, спросила Виктория.

– Крутись тут... вон машины-то дорогушие какие стоят, не царапнуть бы ненароком...

– Ну, паркуйся тут, мы добежим.

– Не положено, знаешь ведь.

Машина остановилась у третьего подъезда, и Виктория, выпрыгнув под дождь, увидела свет в окнах третьего этажа слева от подъездной двери.

– Сережа, чемодан, – бросила она, направляясь под козырек подъезда.

Стажер с чемоданом нырнул следом, и Виктория набрала на домофоне номер квартиры.

– Кто там? – раздался приглушенный мужской голос.

– «Скорая».

Домофон издал мелодичный звук, и дверь открылась, демонстрируя скрывавшийся за ней просторный холл с мягкими диванами, креслами, теннисным и бильярдным столами.

– Не хило... – присвистнул Сергей, оглядывая помещение. – Живут же...

– Где тут лестница-то? – озираясь по сторонам, спросила Виктория. – А, все, нам туда, – она дернула практиканта за рукав и пошла вправо, где заметила дверь, которая действительно вела на лестницу.

– Да тут везде стерильно, как в оперблоке, – бормотал Сергей, поднимаясь вслед за Викторией. – Интересно, сколько хозяева платят за это великолепие...

– Это не наше дело. Ты не оценщик, не риелтор – ты практикант на «Скорой», будь добр, сосредоточься именно на этом, – отрезала Виктория, останавливаясь перед дверью, на которой увидела цифру «пять». Нажать на кнопку звонка не успела – дверь распахнулась, и на пороге возник мужчина в спортивном костюме:

– Проходите, пожалуйста... ей очень плохо...

Виктория шагнула в квартиру первой и на секунду нерешительно замерла на пороге, испытав неловкость за мокрые кроссовки, в которых придется идти по светлому паркету.

Хозяин это заметил:

– Перестаньте! Что такое полы? Всего лишь дерево, я потом вытру, проходите, ради бога, скорее!

– Что случилось? – спросила Виктория, проходя вслед за хозяином к лестнице, ведущей на второй этаж.

– Мне кажется, у жены что-то с сердцем... ей трудно дышать, острая боль в левой половине груди, и рука левая ничего не чувствует.

– Был какой-то стресс?

Хозяин остановился и, повернувшись, тихо спросил:

– Вы что же, телевизор не смотрите?

– Нет, – подтвердила Виктория. – Я работаю сутки через двое.

– И не слышали, что в городе творится?

– В городе многое творится. Как это связано с ухудшением самочувствия вашей жены?

Мужчина, которому на вид было лет шестьдесят, как-то вдруг сторбился и совсем тихо проговорил:

– У нас в семье горе... сперва погиб мой младший брат, а вчера... – он умолк на секунду, сглотнул судорожно, стараясь подавить слезы, – погибла наша дочь... мы сегодня были на опознании, жена вроде держалась, а к ночи – вот... идемте же...

– Простите, – пробормотала Виктория, вздрогнув всем телом.

– Вы только при ней... пожалуйста...

– Это не мое дело, я не следователь, я фельдшер.

Женщина лежала в темной комнате, где только слева от большой кровати с кожаным изголовьем горел на полу крохотный ночник.

– Включите, пожалуйста, свет, – попросила Виктория, подходя к кровати. – Добрый вечер. На что жалуетесь? – спросила она, обращаясь к женщине. В эту секунду вспыхнул такой яркий свет, что фельдшер невольно зажмурилась, а пациентка тихо охнула и застонала. – Извините, мне нужно вас осмотреть, а делать это в темноте совершенно невозможно, потерпите, пожалуйста.

– Ох... – протянула женщина, медленным жестом перемещая руку с груди на лоб.

– Сережа, ЭКГними, – велела Виктория и, пока практикант возился с аппаратом, прослушала сердечные тоны. – Записывай, и будем кардиобригаду вызывать, тут нужен врач и

госпитализация в стационар, – она повернулась к стоявшему у стены мужу пациентки: – Приготовьте, пожалуйста, документы и необходимые вещи.

Взяв из рук Сергея ленту ЭКГ, она убедилась в своих подозрениях и вынула из кармана мобильный, чтобы позвонить на подстанцию.

Пока шли гудки, Виктория рассеянно рассматривала висевшую напротив фотографию и вдруг поняла, что лицо мужчины на ней ей смутно знакомо – она определенно видела его когда-то раньше, но никак не могла вспомнить, где и когда. Но шрам между бровей совершенно точно был ей знаком.

Диспетчер приняла вызов и отключилась, Виктория присела к туалетному столику заполнять карточку, а Сергей убрал в чехол аппарат ЭКГ.

– Дина... тебе кофту теплую положить? – спросил хозяин квартиры, вернувшись в спальню откуда-то из глубины квартиры.

– Да... – простонала пациентка. – Так давит в груди... где... где Валя?

– Валя еще не вернулся, он ведь в командировке, – муж взял ее за руку. – Валя – наш сын, он работает в мэрии, – объяснил он Вике, хотя та не спрашивала.

– Давит... – снова простонала пациентка, положив руку на грудь.

– Потерпите, пожалуйста, сейчас кардиолог приедет, – Виктория переместилась на стул у кровати и взяла женщину за запястье.

– Между прочим, сегодня Митин на дежурстве, он же, говорят, едва ли не самый лучший кардиолог в городе, – сматывая провода, вдруг сказал Сергей, не заметив, как изменилось после этих слов лицо Виктории. – Не понимаю только, почему он преподавать не идет, а на «Скорой» время тратит.

– Тратит?! – шепотом взревела Виктория, но вовремя осеклась и взяла себя в руки: – Идите в машину, практикант.

– Я хочу еще кардиологический осмотр увидеть... – начал Сергей, но Виктория жестом указала ему на дверь:

– Я сказала – в машину. Больную я передам без вашего участия. Чемодан оставь.

Сергей прихватил аппарат ЭКГ и в сопровождении хозяина квартиры вышел из спальни.

Виктория, кое-как успокоившись, снова приложила к груди женщины стетоскоп.

Хозяин вернулся в сопровождении кардиобригады – высокого, широкоплечего мужчины в спецовке и молодого парня-фельдшера, совсем чуть-чуть уступавшего коллеге в габаритах.

– Привет, Викуля, – поздоровался фельдшер, плюхая свой чемодан рядом с Викиным.

– Привет. Максим Васильевич, вот данные, – она протянула врачу ленту ЭКГ и подробно доложила о состоянии и своих выводах.

– Понятно. Сейчас сам гляну, и будем забирать, тут инфаркт намечается.

– Я могу ехать?

– Да, Виктория Павловна, можете ехать, – и незаметно для остальных врач улыбнулся Виктории такой улыбкой, что она почувствовала, как краснеет.

«Ну, что за человек, вечно удержаться не может», – подумала Виктория, подхватывая чемодан и направляясь к выходу.

– Я провожу, – засуетился хозяин, но она только рукой махнула:

– Не нужно, собирайтесь в стационар, я помню дорогу.

Она еще раз внимательно посмотрела в лицо хозяина квартиры и вновь подумала, что видела раньше этот шрам между бровей, просто пока не может вспомнить, где именно.

До машины пришлось бежать – дождь усилился, кроссовки мгновенно набрали воды, и Виктория подумала, что не зря оставила в шкафчике на станции старые кеды, выбросить которые не поднялась рука – сейчас переобуется в сухие, а то так и пришлось бы до конца смены ходить в мокрых.

Водитель предусмотрительно включил печку, и в машине было тепло.

Виктория привалилась боком к дверке и, достав планшет, заканчивала заполнение карточки. Обиженный Сергей сопел сзади, выстукивая ногтями на стекле какой-то мотивчик.

– Что, Митина вызывала? – спросил водитель, выворачивая в переулок.

– Угу.

– Понятно, – с намеком протянул он.

– Что вам понятно?

– Да брось ты, Пална, давно всем все понятно, – добродушно отозвался водитель. – Что ж – дело молодое, почему нет?

– Семен Богданович, вы бы лучше за дорогой следили, – посоветовала Виктория неласково.

Водитель пожал плечами и сделал погромче радио.

– ...очередная жертва маньяка была найдена вчера в парке микрорайона Каляево, – сказал женский голос. – Тело молодой женщины было обнаружено в кустах недалеко от выхода из парка. В полиции не дают комментариев, но из источников, близких к правоохранительным органам, нам стало известно, что способ убийства и поза, в которой найден труп, соответствуют тому, что был найден в микрорайоне Новинки три недели назад. Напомню, тогда пострадал мужчина средних лет. В карманах одежды обоих убитых были найдены деревянные кубики с буквами алфавита.

Виктория почувствовала, как по спине побежали мурашки. Она уронила ручку и долго не могла найти ее на полу машины, чертыхалась, светила фонариком, а когда нашла и села прямо, наткнулась на внимательный взгляд Семена Богдановича.

Следователь

Старший следователь Каргополова открыла форточку и помахала рукой, разгоняя сигаретный дым. Без сигареты не работалось, а выбегать всякий раз в курилку утомительно, да и время терялось, потому Полина Дмитриевна, игнорируя запрет начальства, продолжала курить прямо в кабинете.

С досадой глянув на папку, лежавшую на столе, она вздохнула и взяла пачку фотографий, присела на подоконник, едва не свалив на пол горшок с чахлой геранью, и принялась перебирать снимки один за другим.

Фотографии с мест преступлений были словно дубли – абсолютно одинаковые по смыслу, разве что в первом случае труп принадлежал мужчине, а во втором – молодой девушке. Но поза, характер ранений... и эти кубики. Да еще то, что убитые оказались дядей и племянницей.

Полина поднесла один из снимков к глазам, пытаясь получше рассмотреть, но потом подумала, что лучше будет спуститься в камеру вещдоков и убедиться там в том, что ей померещилось при рассматривании снимков.

Кубики эти выглядели настолько странно, что вызывали у Каргополовой сердечные спазмы. Детские игрушки настолько диссонировали с теми местами и обстоятельствами, при которых их обнаружили, что Полине становилось дурно.

– Черт бы тебя подрал... – пробормотала она в адрес неведомого пока убийцы. – С каждым годом эти уроды становятся все более изобретательными. Почерк, видите ли, он вырабатывает, кубики подкидывает... любитель игрушек нашелся...

Она бросила снимки обратно на стол, и они, не долетев, веером рассыпались по полу.

– Ну, что за день-то?! – взревела Полина негромко, но с подоконника не слезла, взяла новую сигарету и закурила.

День действительно не задался с самого утра. Сперва не прозвонил заведенный на половину шестого будильник – Полина совершенно точно помнила, что с вечера перевела стрелку на половину шестого, но противный агрегат не сработал.

Муж, едва растолкавший ее, недовольным тоном спросил:

– И до каких пор ты будешь упираться с этим механическим монстром? Заведи в телефоне, какая проблема?

Проблемы не было, и упиралась Полина скорее из сентиментальности – этот старенький будильник она забрала у матери, много лет он будил на работу ее отца, погибшего три года назад.

– Лёва... – простонала она, отбрасывая одеяло. – Ну, давай не сейчас, а? Проспали же! Надо Инку будить, она в школу опоздает. А я... ох, мать-мать-мать! А я уже опаздываю, у меня встреча назначена на половину восьмого!

Полина вскочила и заметалась по спальне, плохо соображая, что делает.

– Понятно, – кисло заметил муж, – значит, Инку в школу опять везу я. Соответственно, завтрак тоже на мне.

– Лёвушка, милый, я тебя умоляю, – чуть остановившись в своих метаниях, Полина чмокнула мужа в щеку. – Пожалуйста! Ну, только сегодня, а? Обещаю, завтра я все сама!

– Только сегодня, только вчера, только через неделю... – недовольно пробурчал муж и сел, потягиваясь. – Тебе вечно некогда, Полина, ребенок растет сам по себе. Ладно – я, взрослый человек, но Инка!

– Лёва, ну, вообще не вовремя, а? – взмолилась Полина, выхватив, наконец, из шкафа брюки и белую блузку, которая не нуждалась в глажке.

– А когда? У тебя никогда нет времени на разговоры. Ты опять собрание у Инки в школе пропустила, и мне, кстати, ничего не сказала, я бы сам сходил.

– Ну, так открой хоть раз ее дневник и посмотри, там написано, – скрываясь в ванной, бросила Полина, начиная терять терпение.

Утренние ссоры выбивали ее из колеи на весь день, а сегодня это было совершенно не кстати – к делу об убийстве в парке добавилось еще одно такое же, и эти дела отдали ей, а это значило, что работы будет много.

Льва, конечно, это не устраивало – жена-следователь и так бывала дома мало, и все заботы лежали в основном на его плечах.

Полина понимала, что это неправильно, Лев тоже занятой человек, у него бизнес, он обеспечивает семью, а вынужден при этом еще и готовить ужины, отвозить в школу дочь, возить ее в художественную школу – девочка отлично рисовала и занималась этим серьезно.

«Какого черта я чувствую себя виноватой? – думала Полина, стоя под струями душа. – Ведь Инка такая же его дочь, как и моя. Почему он не должен уделять ей время? Ну, у меня такая работа, и когда мы познакомились, она была точно такой же, и Лёва знал, на ком женится. Я честно отсидела в декретном отпуске, отдала Инку в садик в три года... Я что, не имею права заниматься тем, что мне интересно? Я зря университет с красным дипломом окончила? Почему его работа важнее моей? Потому что он – мужчина? У него больше свободного времени, потому что бизнес собственный, он отлажен, как хороший механизм, и это дает Льву возможность не пропадать на работе сутками. А я на следствии работаю, постоянно что-то случается, и от меня мало что зависит».

– Ма-ам! – раздалось из-за двери. – У меня физкультура сегодня! Где форма?

Полина перевела взгляд на корзину с бельем и увидела рукав спортивной кофты.

– Черт... – пробормотала она, заматываясь полотенцем.

– Ма-ам! Ну, ма-ам!

– Инка, – открывая дверь и впуская дочь в ванную, заговорщицким тоном предложила Полина, – хочешь, я тебе записку напишу, чтобы от физкультуры освободили, а?

– Опять? – дочь вздохнула и принялась накручивать на палец кончик длинной темно-каштановой косы, перекинутой через плечо. – Мне физрук двойку за четверть пообещал...

– Доча... – присев перед ней на корточки, виновато проговорила Полина, – ну, закрутилась я совсем, не выстирала... что делать-то?

– В грязном пойду, – шепотом сказала Инна и потянулась к корзине.

«О, господи... – мысленно простонала Полина, наблюдая за тем, как дочь вынула из корзины костюм и теперь рассматривает его со всех сторон. – Это, конечно, перебор, тут Лёва абсолютно прав. Мать я так себе...»

В кухне муж готовил завтрак, но Полине уже некогда было даже выпить кофе.

Чмокнув в щеки дочь и по-прежнему недовольного супруга, она выбежала из квартиры и на парковке поняла, что застряла – ее машину подпер огромный джип, и выехать не представлялось возможным. Никакие пинки по колесам и отчаянный ор автомобильной сигнализации не заставили владельца джипа выйти на улицу, и Полина, чертыхнувшись, бегом направилась к остановке трамвая.

Вызывать такси показалось ей более безумной идеей, потому что риск попасть в пробку и опоздать окончательно был совершенно лишним.

На встречу она ожидаемо опоздала, человек, ждавший ее, был недоволен и даже не трудился это скрывать. Но информация была нужна, и потому Полина, запрятав поглубже свое желание послать все куда подальше и уехать, вынуждена была сперва выслушать отповедь, а потом уж задавать вопросы.

Словом, разлетевшиеся по полу фотографии стали лишь маленьким дополнением к незадавшемуся с самого утра дню.

Но и на этом неприятности не закончились. Буквально через полчаса в кабинет ввалился капитан Двигунов – оперативник, работавший по делам об убийствах вместе с Полиной.

Она сразу испытала приступ изжоги – отношения с Двигуновым никак не складывались, любые распоряжения он воспринимал в штыки и непременно говорил об этом вслух, совершенно не беспокоясь об авторитете Полины как следователя. Разговаривал он с ней всегда чуть свысока. С другими операми Каргополова общалась вполне нормально, называла их по именам, но к Двигунову обращалась строго по имени-отчеству – Вадим Григорьевич. Иногда ей казалось, что опер обижен на нее за невнимание к нему как к мужчине, но Полина никогда не позволяла себе переходить грань, отделяющую служебное от личного. У нее был муж – и романы на работе никак не вписывались в ее картину мира.

Сегодня лицо вошедшего в кабинет капитана выражало крайнюю степень раздражения.

– Ну, и какого черта вы уговорили руководство объединить дела?

– Никого я не уговаривала. Начальство без моих советов разобралось и решило, что это уже серия, к тому же – они родственники. И вообще – почему вы врываетесь в кабинет и даже не потрудились поздороваться?

– Побегали бы с мое, – огрызнулся Двигунов, усаживаясь на стул для посетителей.

– И как результат? – поинтересовалась Полина, машинально раскладывая перед собой фотографии.

– Эти два убийства никак между собой не связаны, – пробормотал оперативник, метнув в Полину недобрый взгляд. – Вечно вам больше всех надо. Два абсолютно разных дела.

– Да? А поза, в которой нашли оба трупа? А кубики в карманах? А родственные связи?

– Ну, вы серьезно думаете, что у нас завелся маньяк? В нашем-то болоте?

– Вадим Григорьевич, вы препираетесь со мной из принципа? Или потому, что я женщина, а вы считаете, что это мешает мне быть хорошим следователем? – прищурилась Полина.

Двигунов поднял голову от блокнота, в котором что-то чертил карандашом, и непонимающе посмотрел на нее.

– В каком смысле?

– В таком. Мы с вами работаем не впервые, и вы постоянно стараетесь игнорировать мои указания, не слушаете доводов, не принимаете моих версий. Я спросила у коллег – точно так же вы ведете себя со всеми женщинами-следователями, тогда как с мужчинами у вас всегда полное взаимопонимание.

– Не поленились, значит, справки навести?

– Не поленилась, – подтвердила Полина. – Как не поленюсь попросить начальство, чтобы вас к моим делам не привлекали.

– Гонор демонстрируете, Полина Дмитриевна?

– Нет. Просто хочу нормально, продуктивно работать, а не тратить время на никому не нужные свары. Если я говорю, что вижу серию в этих убийствах, то вы стараетесь найти мне доказательства либо моей правоты, либо моих заблуждений. А если не согласны – то передайте это дело тому сотруднику, которому не мешает работать мой пол.

Двигунов смотрел на нее, слегка даже приоткрыв рот от неожиданности. Он действительно не любил работать с женщинами-следователями, но никому из них прежде не приходило в голову поговорить с ним об этом. А Каргополова сделала это сразу, как только заподозрила пренебрежение к своим распоряжениям. И Двигунов вдруг подумал, что уже одно это – то, что не стала за спиной шептаться, а в глаза сказала – мол, не нравится – так и вали с дела, – вполне достойно его уважения.

– Знаете, Полина Дмитриевна, вы, кажется, не так поняли мои слова. Или я выразился не точно. Связь между убийствами, безусловно, налицо, а вот между жертвами... – он почесал начавший лысеть затылок. – Совершенно разные люди, никаких точек соприкосновения. Молодая девушка и мужчина средних лет... ну, дядя и племянница... но я так понял, что они не особенно близко общались – он почти маргинал, не работал, выпивал, а она – благополучная студентка.

– А вы думаете, что в серии всегда есть связь между жертвами?

– Ну, как правило...

– Возможно, мы имеем дело с человеком, для которого единственная цель – убить, – задумчиво протянула Полина, глядя на лежащий перед ней снимок с изображенным кубиком. На его гранях была буква «И».

– Убийство ради убийства?

– Да. А чтобы о нем заговорили, он маскирует это под серию, подбрасывает кубики – имитирует почерк.

– Может, в конце соберем слово? – невесело пошутил Двигунов, тоже бросив взгляд на снимок. – Уже есть «И» и «С». Остается надеяться, что мы успеем поймать его раньше, чем он сложит слово «искупление», например.

– Что-то мне совсем не смешно...

– Да и мне не весело, Полина Дмитриевна. Не представляю даже, за что зацепиться. Связи убитых сейчас отрабатываем, но пока никаких пересечений, кроме родства. Но отец убитой категорически заявил, что и сам видел своего брата в последний раз около полугода назад, а уж дочь точно с дядей в кустах не бражничала.

– Мне кажется, еще рано делать выводы. Давайте попробуем понять, почему именно эти люди. И еще... мне не дают покоя эти кубики, я все утро верчу снимки...

– Я их осмотрел, – сказал Двигунов, перелистывая странички блокнота в поисках нужной записи. – А, вот. В общем, кубики эти явно не современные, не из тех, что сейчас выпускают. Надо бы экспертизу назначить – вдруг что-то пойдем.

– А с чего вы решили, что они не современные?

– Сколько лет вашей дочери? – вдруг спросил Двигунов, и Полина немного растерялась.

– Девять... а что?

– А то, что таких игрушек вы ей уже давно не покупаете. Но даже когда покупали, то вряд ли могли найти кубики из настоящего дерева. Сейчас же кругом пластик, а это – куски древесины, цельные, как в советское время делали. У меня такие были – от отца бабушка сохранила. На древесину наклеены бумажные картинки, у которых края быстро обтрепывались, но зато такие кубики вполне безопасны для детей, – объяснил Двигунов. – Так что наши игрушки – как раз из тех времен, когда на детях не экономили.

– И о чем это говорит?

– Пока не знаю. Но чувствую, что тут может быть какое-то послание. Давайте от экспертов отчета дождемся – вдруг я прав?

Полина посмотрела на Двигунова с уважением и впервые подумала, что он не так уж плох, как пытается казаться. Во всяком случае, голова у него работает как надо.

Журналист

Батарея ноутбука совершенно разрядилась. Борис застонал – зарядное устройство осталось в машине, а спускаться с седьмого этажа пешком, а потом возвращаться обратно совершенно не хотелось.

«Кто придумал ремонтировать оба лифта сразу? – раздраженно подумал Борис, глядя в окно и мечтая оказаться сейчас где угодно, только не в редакции. – А может, ну ее, статью эту? Завтра допишу...»

Он уже закрыл погасший ноутбук и даже выдумал благовидный предлог, под которым сможет исчезнуть из редакции на остаток дня, принялся наводить порядок на столе, но тут в кабинет буквально вломилась секретарша главного редактора:

– Борька, тебя шеф требует срочно!

– Зачем? – поморщился Борис, чувствуя, что план побега срывается.

– Хочет, чтобы ты срочно метнулся в Хмелевск и попытался поговорить со следователем, который ведет дела об убийствах в парках.

Пальцы Бориса, сжимавшие карандаш, дрогнули:

– Что?

– Ну, Боря! – заканючила секретарша. – Пожалуйста! Он велел, чтоб через две минуты...

Борис бросил карандаш на стол и поднялся:

– Все, не ной. Иду я.

Кабинет главреда находился на восьмом этаже, в самом конце длинного коридора. В эту часть здания сотрудники редакции всегда ходили с неохотой, «как на расстрел», по меткому определению одного из журналистов – гулкий полутемный коридор напоминал дорогу к месту казни, а кабинет главреда между собой так и называли «расстрельной». Характер у главреда был тот еще...

Секретарша резво обогнала Бориса и успела заскочить в приемную раньше, плюхнулась за стол и нажала кнопку интеркома:

– Николай Николаевич, здесь Нифонтов.

– Пусть заходит, – прорычало устройство.

Борис зажмурился на секунду, несколько раз сжал и снова разжал кулаки и, наконец, толкнул массивную дверь.

Главред стоял у большого окна, заложив руки за спину, и покачивался с пяток на носки, рассматривая что-то на улице.

– Николай Николаевич, вызывали?

– Вызывал, – не поворачиваясь, пробасил главред. Его грубый голос никак не вязался с довольно subtilной невысокой фигуркой и вызывал диссонанс у всякого, кто видел Ник Ника, как за глаза звали его сотрудники, впервые. – Ты, Боря, чем сейчас занят?

– Готовлю статью о коррупции в региональных филиалах столичных вузов.

– Это потерпит, – решительно отрезал главред. – Срочно нужен материал по серийному убийце из Хмелевска.

– А почему я?

– Ну, а кто еще? – вздохнул Николай Николаевич, отрываясь от созерцания улицы. – Ты, Боренька, у меня сейчас самый рейтинговый журналист, к тому же был ведь там недавно, значит, город мало-мальски видел, тебе и карты, как говорится, в руки.

– Вы ведь знаете, убийства – не мой профиль.

– Ну, тебя ведь никто не просит их расследовать или ловить убийцу. Просто напиши о ходе расследования, побольше фактов, что-то такое... – главред защелкал пальцами. – В

общем, разберешься. Сегодня же и выезжай, билеты, гостиница – все заказано, срок сдачи первого материала – через два дня.

– Два дня?! – Нифонтов на секунду перестал дышать. – Да я...

– Все, Боренька, все! – легонько хлопнул по подоконнику ладонью главред. – Два дня – это даже с запасом. Свободен.

Нифонтов выругался про себя и в который раз подумал, что название этому кабинету дали не зря – через два дня, если он не сдаст чертову статью, будет стоять у стены перед направленным на него дулом пулемета. Гнева Николая Николаевича в редакции опасались все...

Ехать в Хмелевск совершенно не хотелось, Борис не переносил маленькие города, навевавшие на него тоску, которую можно было разогнать только при помощи алкоголя, а Нифонтов не пил уже больше трех лет. Не закодировался, не подшился, нет – просто прекратил прикасаться к напиткам крепче кофе.

«Но, чувствую, сегодня же вечером мне придется нарушить данное себе слово, – зло подумал он, садясь за руль серебристой «Ауди». – Трястись всю ночь в поезде, потому что самолеты туда попросту не летают, потом идти на поклон к какому-то следователю, который, почувствовав свою власть, разумеется, начнет кобениться и набивать себе цену – не слишком ли это для журналиста моего уровня? Послал бы практиканта какого... На черта мне этот Хмелевск... век бы его не видеть».

Поезд отходил через три часа, у Бориса было еще достаточно времени, чтобы собрать необходимые вещи и добраться до вокзала.

Он ходил по своей новой, просторной квартире на пятом этаже всего полгода назад сдавшегося в эксплуатацию дома и злился, злился...

Нифонтов не любил командировки, ненавидел гостиницы и поезда, его страшно раздражала необходимость оказываться там, где он не хотел. А Хмелевск, в котором он побывал не так давно, не вошел в список его любимых мест на планете.

Но отказаться от командировки он тоже не мог – и так уже сумел сплавить коллегам три предыдущих. Ник Ник, конечно, сделал вид, что не заметил, но эту он ему точно не простит.

С сожалением окинув взглядом безупречно убранную квартиру, Борис закинул на плечо ремень сумки и вышел на лестничную площадку.

Разумеется, тут же открылась дверь квартиры напротив, и оттуда выкатился на велосипеде пятилетний сын соседей Лука – совершенно неуправляемое существо с визгливым голосом и отвратительной привычкой добиваться своего исключительно криком.

– Лука! Лука, куда ты? – раздалось из квартиры. – Вернись! – но Лука, игнорируя зов няни, с размаху врвался в дверь квартиры Бориса – тот едва успел отскочить, а лихой велосипедист, совершенно не смущаясь присутствием хозяина квартиры, чуть отъехал назад и повторил свой маневр.

Нифонтов разозлился – колесо оставило красноватый след на бежевой облицовке двери.

– Так, ну-ка, дуй отсюда! – негромко, но грозно сказал он, и пацан тут же заорал, скривив рот.

На крик соизволила выбежать няня и тут же накинулась на Бориса:

– Вы зачем ребенка пугаете? Я вот в полицию...

– Звоните! – оборвал Борис. – Звоните, я как раз тоже заявление напишу – ваш подопечный мне дверь испортил. Давайте-давайте, звоните – наверняка ваши работодатели будут рады оплатить мне ущерб из вашей зарплаты.

Няня мгновенно оценила ситуацию как невыгодную для себя и обрушилась на умолкшего было Луку:

– Тебе кто разрешил на площадку выезжать? Я вот папе сейчас позвоню, он тебя вечером накажет!

Лука заголосил еще громче, и Борис, не в силах выносить звук его голоса, поспешно направился к лестничному маршу, даже не став дожидаться лифта, чтобы не продлевать свои мучения.

Голова заболела еще на вокзале, и в вагоне Борис прошел в свое купе, молясь о том, чтобы попутчики попались адекватные и не приставали с расспросами. Ему повезло – вошедший почти сразу за ним молодой парень только поздоровался и сразу улегся на свою полку, отвернувшись к стене и вставив наушники. Больше соседей не оказалось, и Борис, выпив пару таблеток, тоже лег и закрыл глаза.

Поезд прибывал в Хмелевск около половины шестого утра, стоял всего четыре минуты, и Борис еле успел выпрыгнуть из вагона – перед ним долго спускала огромные клетчатые баулы какая-то женщина в спортивном костюме.

В Хмелевске моросил дождь, Нифонтов похвалил себя за привычку всегда носить в сумке зонт, потому не промок по дороге сперва от перрона до вокзала, а потом до стоянки такси, где его ждала машина.

– Гостиница «Алмаз», – сказал Борис, забравшись на заднее сиденье.

– Это мигом, тут недалеко, – весело отозвался полный грузин-водитель, поправил кепку и положил на руль огромные ручки. – В командировку?

– Да.

– Сразу видно, что не местный, – выезжая с парковки, оценил водитель.

– И из чего же это следует?

– А выражение лица у вас какое-то кислое, как у столичного жителя, вынужденного снизойти до простых селян.

– А у вас тут все бодры и веселы и с оптимизмом смотрят в светлое завтра? – желчно осведомился Борис.

Таксист захохотал:

– У нас все теперь живут между выпусками новостей.

– Почему?

– Говорю же – не местный. Маньяк у нас тут объявился, два трупа уже.

– Прямо так сразу и маньяк? Если всего два трупа, может, просто разные убийства?

– Да ни фиги они не разные, а очень даже одинаковые – и поза у трупов, и места, где нашли, и кубики еще какие-то. Ясное дело – маньяк. Народ в парках гулять перестал.

– А полиция что же?

– А что они сделают? Никаких улик.

– А вы-то откуда знаете, что нет улик? В новостях о таком говорить не принято.

– А у меня сват в полиции водителем работает, вот и знаю. Он говорит – следачка на этих делах въедливая, непременно разберется, что к чему, но пока вот все никак. Попался продуманный убийца, даже отпечатков не оставляет.

– То есть подозреваемых нет?

– Вроде пока нет.

– Интересно... и что же – в вашем городе все таксисты так осведомлены, или мне просто повезло, потому что у вас сват в полиции? – иронично протянул Нифонтов, которому с утра всегда хотелось говорить гадости первому встречному. А сегодня его утро началось задолго до привычного времени, потому это желание было особенно сильным.

– Слышь, красивый, а ты, похоже, вынюхивать сюда приехал? То-то я смотрю, вопросов задаешь много.

– Ну, почему же вынюхивать? Я журналист.

– А журналист если, так вот вали напрямик в прокуратуру, там тебе и расскажут.

– Так вы мне уже почти все рассказали, – захохотал Нифонтов, увидев в лобовое стекло светящуюся надпись «Гостиница Алмаз». – Так и напишу – со слов таксиста.

– Да я тебе... – зарычал водитель, но Борис вежливо улыбнулся и протянул ему пятьсот рублей вместо ста пятидесяти по счетчику:

– Спасибо вам, – и быстро вышел из машины.

Вслед полетели энергичные высказывания на грузинском языке, такси сорвалось с места и, расчетливо промчавшись по луже, окатило Бориса с ног до головы, превратив светлые модные джинсы почти в камуфляжные брюки.

– Вот козел... – процедил Нифонтов, расстроено оглядывая испорченные джинсы. – Хорошо, я запасные прихватил.

Ему всегда бронировали только люкс, Борис наотрез отказывался жить в другом – ценил собственный комфорт и покой, это было просто необходимо для продуктивной работы.

Номер в «Алмазе» ему понравился – двухкомнатный, с новой мебелью, с окнами, выходящими не на улицу, а во двор.

Нифонтов раздвинул тяжелые портьеры, впуская в комнату первые лучи весеннего солнца, пробивавшиеся сквозь начавшие рассеиваться облака. Дождь прекратился, и в луже у скамейки купались воробьи, оглашая двор чириканьем.

Сбросив в ванной испорченные джинсы прямо на пол, Борис встал под душ и долго, с наслаждением плескался под теплыми струями, намыливая тело гелем. Обернув вокруг бедер полотенце, он устроился в гостиной, где обнаружил набор для приготовления кофе – пачку всегда возил с собой, оставалось только вскипятить воду и заварить. В этом номере можно было курить – неперемное условие, выдвигаемое Борисом, потому что без сигарет писать он не мог, вредная привычка, которая его не раздражала, а потому он с ней и не боролся.

Закинув на край журнального столика ноги, Борис взял блокнот и ручку и набросал первые три фразы будущей статьи. Он всегда писал черновики в блокноте, чтобы иметь возможность делать пометки при необходимости, а затем, перенося в ноутбук, выбирать те обороты, которые казались наиболее удачными. Кроме того, это сокращало время, потраченное на редактуру – при наборе текста можно было сразу и корректировать.

Большие часы на стене показывали половину десятого, когда неожиданно для себя задремавший прямо в кресле Борис открыл глаза.

– Ох ты, черт... – подскакивая, пробормотал он. – Пора идти в прокуратуру.

Фельдшер

Ей всегда нравилось после окончания дежурства оказываться на улице и, стоя на крыльце подстанции, понимать, что впереди двое суток выходных. Можно строить планы, намечать какие-то дела, но сперва как следует выспаться. Половина первого выходного всегда была посвящена этому – принять душ, открыть настежь окно, укутаться теплым одеялом и уснуть.

Сегодня, после лившего всю ночь дождя, утро казалось особенно свежим, а город – умытым. Весна в этом году пришла рано, и сейчас, в середине апреля, установилась очень теплая, хоть и дождливая, погода.

Виктория подняла голову и посмотрела в небо – ни облачка, ни тучки, значит, сегодня дождя больше не предвидится.

«Отосплюсь, потом окна помою, – решила она, поправляя сползающую с плеча ручку сумки, – иначе руки так и не дойдут, а тетка давно волком смотрит».

Мысли переключились на тетку. Светлана Александровна воспитывала племянницу как родную дочь с тех пор, как Виктории исполнилось четыре года. Родителей Виктория не помнила, знала только по фотографиям, но что с ними случилось, тетка никогда не рассказывала. Она удочерила Вику, и ее муж не возражал, дал свою фамилию. Своих детей у них не было, и племянница заменила им родную дочь.

Виктория искренне любила и Светлану Александровну, и Никиту Сергеевича, и очень горевала, когда он разбился на машине, ударившись лоб в лоб с вылетевшим на встречную полосу неопытным водителем. С тех пор они жили с теткой вдвоем в хорошей трехкомнатной квартире, Виктория работала на «Скорой», а Светлана Александровна преподавала в местном музыкальном училище.

Тетку очень огорчал тот факт, что племянница не торопится замуж, хотя годы уже давно перестали быть юными, но Виктория только отмахивалась – мол, не до этого. В последнее время Светлана Александровна стала хуже себя чувствовать, у нее болело сердце, и интервалы между приступами делались все короче. Виктория старалась больше бывать дома, чтобы успеть помочь, хотя тетка и настаивала на том, что прекрасно справится и сама.

– Ты бы своего кавалера хоть на чай пригласила, – говорила она, имея в виду Максима Митина, но Виктория не торопилась знакомить их – Максим был женат, и афишировать связь с несвободным человеком она не хотела. – А то пропадаете где-то вечерами, могли бы и здесь встречаться, у тебя, в конце концов, своя комната есть.

– Мы в разные смены работаем, редко выходные совпадают, – врала Виктория, испытывая жгучий стыд.

Она до сих пор не могла объяснить себе, как вышло, что, всегда так осуждая других за подобные романы, сама ухитрилась влипнуть в историю с женатым мужчиной. Но устоять перед обаянием Максима оказалось невозможным. Он по-настоящему ухаживал за ней, дарил цветы, приглашал в театр, узнав, что Виктория питает страсть к Чехову и его пьесам. Да и просто хотелось красивой сказки на фоне довольно безрадостных и тяжелых рабочих будней, а Максим эту сказку ей дарил. Где-то в другой жизни у него была жена, но в то время, которое он проводил с Викторией, ей казалось, что Митин принадлежит только ей и ничего и никого больше не существует. Она попала в капкан собственных иллюзий и теперь не представляла, как из него выбраться, не отгрызая себе лапу.

Митин, как и все женатые мужчины, закрутившие роман на стороне, разумеется, обещал, что вот-вот разведется, даже подарил Вике кольцо в знак серьезности своих намерений, и оно всякий раз больно кололо свою хозяйку в палец при попытке натянуть на него перчатку, словно напоминало, чтобы не забывалась, не принимала всерьез.

Вика отлично все понимала, но справиться с собой не могла – Максим окружал ее такой заботой и был так нежен и внимателен, что не верить ему казалось просто невозможным. Но знакомить его с теткой Викторией все-таки не спешила.

– Виктория Павловна, вы мне дневник не подписали, – раздался над самым ухом голос Сергея.

Вика от неожиданности сделала шаг в сторону и, оступившись, кубарем полетела с крыльца прямо в лужу. В лодыжке что-то остро заныло, Вика схватилась за травмированную ногу и охнула:

– Пропади ты пропадом со своим дневником! Разве можно так подкрадываться?

Сергей с виноватым лицом сбежал с крыльца, помог ей встать:

– Наступать можете? Это не перелом?

– Только этого мне не хватало!

Вика села на лавку, на которой обычно курили водители в ожидании выезда, ощупала лодыжку – боль не усиливалась, значит, просто ушиб.

– Может, все-таки на рентген, тут ведь рядом? Я помогу, – предложил виновник травмы.

– Хватит с меня твоей помощи на сегодня, – отрезала она.

– Так, что тут за шум, а драки нет? – из дверей подстанции вышел Митин с небрежно закинутой на плечо спортивной сумкой.

– Виктория Павловна с крыльца упала...

– Сама? Или ты помог? – опускаясь на корточки перед Викторией, спросил Максим.

– Невольно поспособствовал, – опустив голову, признался стажер. – Я нечаянно...

– Сергей, вам сколько лет? – осматривая лодыжку Викторией, поинтересовался Максим.

– Двадцать...

– Ну, так пора бы перестать произносить глупости вроде «я нечаянно».

– Но я действительно... – но тут вмешалась Виктория:

– Все, давай свой дневник, я подпишу, и выметайся, тебе же на занятия пора.

– Ох ты, елки зеленые! – спохватился стажер, бросив взгляд на часы. – Опаздываю...

– Ну, расскажешь преподавателю, как спасал безнадёжного пациента, я всегда в студенчестве так делал, – ухмыльнулся Митин, поднимаясь. – Думаю, тут просто ушиб, Виктория Павловна. Но домой я вас отвезу, пожалуй.

– Вы разве не работаете сегодня? – подняв голову, спросила Вика.

– Нет, у меня двое суток выходных и здесь, и в клинике, – нажав на слово «двое», сказал Максим. – Так что подписывайте своему стажеру дневник, и поедем.

Когда Сергей, сунув дневник в рюкзак, опрометью кинулся к остановке автобуса, Максим нажал кнопку на брелоке, открывая припаркованную неподалеку «Мазду»:

– Прошу, Виктория Павловна. Или помочь?

– Не надо, сама.

По привычке оглянувшись по сторонам, Вика юркнула на переднее сиденье.

Митин сел за руль:

– Ну что – куда едем?

– Домой.

– Викуля... ты не услышала, что ли? У меня два выходных, жена знает только об одном, так что целые сутки у нас есть, – он положил руку ей на колено, чуть сжал пальцы. – Хочешь, в профилакторий поедем? Там сейчас никого...

Это «никого» почему-то как никогда больно укололо Вику. Вот именно – никого. Чтобы никто не увидел.

Вика знала правила этой игры, принимала их, понимая, что по-другому не получится, но иногда испытывала вот такие болезненные уколы – словно бы она не достойна ничего другого, только вот эти унижительные тайные встречи без случайных свидетелей.

– Ну, решайся, Викуль, – настаивал Митин, – просто подумай – целые сутки вдвоем, уснем вместе, проснемся... кофе в постель, то-се... вечером погуляем. Поедем, а?

– Мне все равно нужно домой заехать, – сдалась Вика, – тетю проверить и вещи взять.

Они уже подъезжали к дому Виктории, когда намертво встали в пробку. Машины еле двигались в три ряда, кто-то наглый пытался объехать затор по газону, ему сигналили, не пускали перестроиться в ряд.

– Вот уроды... – цедил Максим раздраженно. – Ну, куда он лезет, идиот? Неужели непонятно, что никто не пустит?

Вика молчала. Ей не нравилась манера Максима водить машину, слишком нервная и дерганая. Это всегда удивляло Вику – как человек, ежедневно видящий искалеченных людей, может позволять себе быть неаккуратным с собственной жизнью.

– Может, там что-то случилось? – спросила она, чтобы отвлечь Митина от мыслей об автохаме на газоне. – Совсем ведь почти не двигаемся, может, авария?

– А это мысль, – согласился он. – Идем, глянем, может, нужна помощь.

Они вышли из машины и направились к месту затора. Метрах в десяти от пешеходного перехода действительно случилась авария – на асфальте лежал без сознания молодой парень, а рядом на пороге открытой малолитражки сидела девушка с совершенно белым лицом и все повторяла:

– Я не видела... я его не видела...

Митин, опытным взглядом оценив ситуацию, бросил Вике:

– Осмотри девушку на предмет травмы груди – что-то она за правую половину держится, а я к пострадавшему.

– «Скорую» вызвал кто-то? – зычно спросил он у собравшихся вокруг людей. – Или всем телефоны нужны в качестве средства съемки?

– А вы кто? – спросил седой мужчина лет пятидесяти.

– Я врач. Так бригаду вызвали или нет?

– Да, я звонил минут десять назад.

Вика уже осмотрела девушку, не нашла никаких повреждений и сунула под нос вату с нашатырем, запас которого всегда носила в сумке – сама страдала пониженным давлением и довольно часто прибегала к этому средству.

– Что теперь будет? – прошептала девушка. – Я ведь его не видела, он выскочил из-за машины, у меня и скорость-то невысокая была... почему он так странно лежит? Он жив?

– Жив, не волнуйтесь, с ним очень хороший врач, он непременно поможет. Ну, вам лучше? Я тогда пойду, помогу доктору.

– Вика, мою сумку из машины, быстро! – в этот момент потребовал опустившийся на корточки возле распростертого на асфальте парня Митин, и Вика побежала обратно к их машине.

Максим имел привычку возить с собой небольшую спортивную сумку с набором необходимого для оказания первой помощи, и сейчас это очень пригодилось.

Парень не дышал, Митин делал ему массаж сердца и искусственное дыхание, Вика присоединилась, вернувшись.

Максим пролез в сумку, долго рылся в ней и, чертыхнувшись, простонал:

– Скальпель выронил где-то, что ли? Надо трахеотомию срочно...

– погоди, у меня был, – Вика открыла свою сумку и вынула скальпель в стерильном пакете.

– Спасибо, что ты есть! – рывкнул Митин, непонятно к кому обращаясь – то ли к Вике, то ли к так кстати нашедшемуся скальпелю, и быстро сделал разрез на горле парня.

К моменту приезда бригады «Скорой помощи» пострадавший уже дышал через вставленную в горло трубку, и жизни его почти ничего не угрожало. Девушку-водителя опрашивали подъехавшие сотрудники ГИБДД, она опять плакала и билась в истерике.

– Пешеход всегда прав, но не всегда жив, – сказал Максим, глядя на то, как пострадавшего грузят в машину. – Ну что – мы можем быть свободны? – спросил он у подошедшего к ним сотрудника.

– Можете. Но уехать быстро – все равно не получится, – флегматично заметил тот. – Дальше за поворотом еще авария.

Вика сочувственно посмотрела на Максима – его планы на выходной таяли на глазах. А Митин крутил в руке скальпель и выглядел совершенно расстроенным.

Следователь

– Насколько я понимаю, между жертвами должно быть хоть что-то общее, если уж мы имеем дело с серийником, – Двигунов по-хозяйски расположился на стуле, закинув ногу на ногу. – Иначе какая же это серия? Просто два не связанных между собой убийства. Любящий выпить дядюшка и его примерная племянница-студентка – вам не кажется, что это вообще ничего не объясняет?

– А кубики в карманах? – Полина по привычке курила в приоткрытое окно и задумчиво рассматривала улицу, которую могла уже нарисовать с закрытыми глазами за столько лет работы.

– Ну, кубики... что кубики...

– А вот то. Ну, допустим, в первом случае этот кубик мог принадлежать убитому – мало ли, носил с собой как талисман. Но тогда откуда взялся такой же в кармане второй жертвы? Вы много видели людей с привычкой таскать в кармане детские игрушки? И какова вероятность встретить двух таких людей в городе с населением, как наш? И какова вероятность, что по чистой случайности именно их и убили? – Полина повернулась к Двигунову.

Тот пожал плечами:

– Ну, в принципе, вы, конечно, правы, тут что-то не бьется. Но какая-то связь, кроме кубиков, должна же быть? Ну, там – рост, возраст, социальное положение, пол, в конце концов? Профессия, не знаю... хоть что-то? А тут два настолько разных человека, что вообще кажется – случайность.

– Их должно что-то объединять, кроме родства, тут вы правы, иначе почему убили именно их? Но что? Вот это нам и предстоит выяснить. Мне кажется, как только мы это поймем, станет проще вычислит убийцу.

На столе зазвонил телефон, и Полина, придавив в пепельнице окурочку, взяла трубку. Это оказался эксперт-криминалист Зайченко, и у Каргополовой нехорошо заныло сердце.

– Значится, так, Полина Дмитриевна, – сразу начал эксперт, – характер повреждений на обоих трупах совпадает. Перерезана правая сонная артерия, острым предметом, предположительно – медицинским скальпелем.

– Почему – скальпелем?

– Разрезы очень тонкие, уверенные. Сдается мне, что убийца ваш имеет отношение к медицине – рука поставлена.

– Почему тогда крови вокруг тел не было? Ведь из сонной артерии хлещет будь здоров, это кто угодно знает.

– Скорее всего, их убивали не там, где нашли, иначе – вы правы – крови вокруг было бы много, а мы не нашли даже следов. И на обоих телах следов крови нет. Только резаные раны – чистый ровный край. Такое впечатление, что убийца дожидался, пока кровотечение прекратится, приводил тела в порядок и вывозил туда, где их потом находили, – Зайченко вздохнул. – Это ж какая скотина такое делает-то... Отчет я тебе через час пришлю.

– Спасибо.

Каргополова положила трубку и выразительно посмотрела на Двигунова:

– А вот вам еще задачка. Оба потерпевших убиты предположительно скальпелем и, скорее всего, не там, где их нашли. Значит...

– Ничего не значит. Если вы имеете в виду, что где-то поблизости от места обнаружения тел есть помещение, в котором потерпевших убивали, так напомню – это разные концы города.

– И это не мешает предполагаемому убийце, например, снимать квартиру поблизости.

– Специально для того, чтобы кого-то прирезать? А не сложновато?

– Смотря какой мотив...

– Да ну... кто станет заморачиваться съемом квартиры? Ее же потом убрать нужно – не думали? – Двигунов выразительно постучал по лбу согнутым пальцем. – Не оставит же он хату в крови, правильно? Надо отмывать. А отмыть такое количество крови даже от кафеля – ну, прикиньте просто...

– А я бы все равно в эту сторону покопала, – настаивала Полина, и Двигунов окончательно разозлился:

– Ну, еще бы! Это же не вам по квартирным агентствам бегать! А ведь есть еще и те, кто сдают в обход, без посредников. Мне трех жизней не хватит.

– Почему вы все время со мной пререкаетесь, а? Вадим Григорьевич, мне порой кажется, что у вас ко мне личная неприязнь.

– А мне порой кажется, Полина Дмитриевна, что вы совершенно не представляете себе работу оперативника! У меня дел – куча, а вы постоянно хотите, чтобы я занимался только вашими.

– Я хочу, чтобы вы свою работу выполняли, только и всего.

Двигунов надулся и стал похож на взъерошенного воробья – казалось, даже волосы над чуть заметной плешью на затылке топорщились недовольно.

– Вадим Григорьевич, мы так и будем спорить по любому вопросу? – устало спросила Полина, усаживаясь за стол и открывая папку с отчетами. – Может, все-таки объявим перемирие, а? Начальство и так недовольно, сами ведь понимаете – любой намек на появление маньяка приводит к непредсказуемым последствиям, сейчас еще и журналисты раздуют...

Двигунов тяжело вздохнул:

– Лично мне уже влетело – мол, раскрывать надо быстрее, чтобы не давать повода газетчикам всяким. А то, что могут еще люди погибнуть – ну, это второй момент. Главное, чтобы мундиры не забрызгало. А что там Зайченко про медика-то говорил, я не расслышал толком?

– Про медика... да, про медика! – оживилась Полина, вспомнив слова эксперта. – Возможно, тот, кого мы ищем, имеет отношение к медицине – надрез точный, такой, чтобы только перерезать сонную артерию, а не распахать всю шею, например. Нанесен спокойно, без дрожи в руке и со знанием анатомии.

– Не полегчало. Снимающий разные квартиры медик, любящий генеральные уборки и играющий в кубики, – систематизировал полученную информацию оперативник. – По описанию – полный псих. Может, нам специалиста какого-то подключить? Из тех, кто в таких психозах лучше нашего понимает, а?

– Психолога?

– Вы бы со своим начальством на эту тему поговорили. Думаю, подобного рода помощь нам бы пригодилась – хоть понять, что там в голове делается, тогда можно и план какой-то разработать, – Двигунов поднялся, поправил свитер и взял со стола свой потрепанный блокнот с заметками. – Я тогда поеду пока в Каляево, попробую там поискать в агентствах, не снимали ли кто квартиру посуточно за день или два до убийства. На связи.

Он вышел, а Полина с удовлетворением подумала, что при всей ершистости и упрямстве Двигунов иной раз слышит ее версии и выполняет то, что должен. Да, процесс общения с ним ей никак не удастся выстроить, она никак не может нащупать подход к оперативнику, но, в конце-то концов, главное, чтобы дело делалось, а уж как оно там в процессе – начальству без разницы.

Журналист

Борис не любил маленькие провинциальные городки. Он не мог объяснить, почему это происходит, но всякий раз, выезжая из столицы, Нифонтов чувствовал себя неуютно, словно оказывался совершенно голым на площади. Ему казалось, что в таких маленьких городках все как на ладони, ни от кого ничего не скроешь, каждый человек на виду и словно находится в рентгеновском аппарате. Это ощущение вызывало у Бориса панические атаки, в чем он, конечно, никому и никогда не признавался.

Как назло, в последнее время ему все чаще приходилось выезжать именно в такие вот места, где пространство, казалось, давило и сжимало, заставляя съеживаться.

«Я как Алиса у Кэрролла – выпил из пузырька, не прочитав этикетку, и стал большим, а как теперь вернуть все обратно, не знаю, – думал Борис, шагая по улице в направлении городской прокуратуры. – И мне срочно нужен другой пузырек с волшебным зельем, чтобы вернуться в прежнюю форму».

В прокуратуру его не пустили. Стоявшая у рамки девица в погонах сержанта уперлась и не отреагировала на обаятельную улыбку:

– Если вам не назначено, то нечего тут делать.

– Но поймите же – у меня редакционное задание, мне нужен материал.

– Запишитесь на прием, – металлическим голосом отчеканила девица.

– Девушка, милая, да у меня сроки горят, понимаете? – Нифонтов внутри уже закипел, но старался держать себя в руках.

– Понимаю. И даже сочувствую. Но помочь ничем не могу – порядок.

Поняв, что ничего не добьется, Борис счел за благо отступить.

– Но хоть скажите, как узнать, кто ведет дело о двух убийствах?

– Тут все ведут дела и о двух, и о трех убийствах, – отрезала девица, и Нифонтову ничего не оставалось, как выйти из здания прокуратуры и позвонить своему главреду.

Ник Ник недовольно спросил:

– Ты что – сам разучился? Непременно я должен начальству позвонить?

– А вы думали, что они мне тут красную дорожку раскатают? Понятно ведь – прессу не жалуют, а в таких делах особенно. Так позвоните?

– Да, сейчас, – недовольно отозвался главред и бросил трубку.

Борис посмотрел на часы, вынул сигареты и зажигалку, закурил и приготовился ждать.

Обычно подобные ситуации разрешались минут за десять – сказывалось довольно громкое имя Нифонтова, хорошо известное и за пределами столицы. Но сегодня что-то пошло не так.

Стрелки часов двигались, а Борис так и оставался на крыльце прокуратуры без возможности попасть внутрь. Мимо него то и дело проходили люди, а Нифонтов так и стоял у металлической урны с пепельницей, полной окурков.

«Придется действовать иначе», – подумал он и стал внимательно прислушиваться к обрывкам разговоров выходящих покурить сотрудников.

Так прошло еще минут сорок, Нифонтов почувствовал, что у него начали мерзнуть руки – день был солнечный, но довольно прохладный.

Время близилось к часу, и Нифонтов решил, что скоро сотрудники прокуратуры потянутся в ближайшее кафе обедать – это показалось ему логичным.

«Ну, пойду и я, – подумал Борис, найдя глазами вывеску кафе через дорогу. – Заодно и сам съем что-то».

С выбором он не ошибся, и кафе оказалось хорошим – ну, по меркам маленького городка, разумеется. Чисто, светло, уютно, пахнет хорошей едой – что еще нужно? Наверняка, имея в клиентах сотрудников прокуратуры, хозяин следил за происходящим в заведении жестко.

Борис выбрал стол у окна, заказал солянку и кофе и принялся осматриваться. Буквально следом за ним в кафе вошли двое мужчин и женщина в форменном кителе под накинутым на плечи легким пальто, потом еще двое мужчин, еще... и вскоре в кафе не осталось свободных столиков.

Борис прихлебывал солянку, оказавшуюся очень вкусной, горячей и ароматной, и внимательно прислушивался к разговорам.

– ...не понял даже, почему ей, – донеслось до него из-за столика за спиной. – Нет, она, конечно, девка умная – помните, как в прошлом году раскрутила Рубашкина?

– Рубашкина? Это который жену из окна вытолкнул, а потом симулировал сумасшествие?

– Да, его. Но то симулянт, а то – серийник. Тут опыт нужен.

– Да погоди ты нагнетать – серийник! Всего два трупа еще, может, просто совпадение.

– Слишком уж одинаковый почерк.

– Ну, Каргополова разберется. Начальству-то виднее. Да и дело по первому трупу у нее было, значит, объединили.

Разговор свернул куда-то в сторону предстоящих отпусков, но Борис уже узнал все, что хотел, а именно – фамилию следователя, ведущего дело. Осталось понять, как выйти на нее лично.

Для начала Борис прямо из кафе вышел в интернет, чтобы найти сайт прокуратуры Хмелевска и попытаться счастья там.

Разумеется, никакой информации о личном составе там не было, зато на городском новостном портале, куда Борис перешел по ссылке, обнаружилась статья, датированная прошлым годом, в которой говорилось о раскрытии уголовного дела старшим следователем Каргополовой П. Д., и Нифонтов понял, что это, скорее всего, и есть нужная ему персона.

К счастью, статья сопровождалась небольшой фотографией, с которой в упор на Бориса смотрела симпатичная молодая женщина в синей форме.

– Интересное лицо, – пробормотал он, рассматривая снимок. – Не красотка, но мимо такой определенно не пройдешь. Взгляд только слишком прямой...

Поиск в социальных сетях ничего не дал – видимо, у следователя Каргополовой не было времени или желания вести страничку. Но Борис уже видел фотографию, и теперь ему не составляло труда узнать Каргополову на выходе из прокуратуры.

«Весь день насмарку, – раздраженно подумал он, закрывая ноутбук. – Придется ночью работать, если, правда, удастся еще поговорить с этой дамочкой. А что – встанет в позу, скажет – иди к начальству, и привет. А срок поджимает».

Расплатившись, Нифонтов вышел из кафе и направился обратно на импровизированный наблюдательный пункт. Прикинув, что отвечивать на крыльце явно не стоит – зачем привлекать к себе излишнее внимание, Борис облюбовал скамью на трамвайной остановке наискосок от прокуратуры. Место, конечно, так себе – постоянно снуют люди, останавливается транспорт, но других вариантов не было.

Борис чувствовал, как раздражение внутри нарастает, накатывает волнами, как шторм.

«Надо бы таблетку, – подумал он и уже полез в кармашек сумки, но вспомнил, что флакон остался в саквояже. – Да что ж за день-то такой! – внутренне взревел Нифонтов, сжав кулаки и крепко зажмурил глаза. – Какого черта я делаю в этой дыре вообще?! Век бы не видеть этот городишко! Век бы сюда не приезжать!»

Каргополову он узнал почти сразу, едва та спустилась по ступенькам. Высокая шатенка в сером брючном костюме и накинутом поверх него клетчатом пальто быстрым шагом направил-

лась не к остановке, а куда-то направо, к расположенному неподалеку крытому рынку, который – в этом Борис был уверен – давно уже закрылся.

Спешно вскочив, он кинулся вдогонку и настиг следователя уже за углом прокуратуры:

– Полина Дмитриевна, подождите, пожалуйста!

Она остановилась, резко повернулась и, окинув его с ног до головы пристальным взглядом, спросила:

– Вы кто? Что вам нужно?

– Меня зовут Борис, я журналист, – выпалил он, уловив запах каких-то странных, волнующих духов.

– Из чего это следует?

– Минутку... – Нифонтов полез в карман куртки, потом в карман сумки, в саму сумку – удостоверения не было. – Черт... где же оно?

Каргополова наблюдала за ним с иронией во взгляде, а когда поняла, что документов Борис ей не покажет, пожала плечами:

– В другой раз, Борис, выдумайте повод получше. И легенду разработайте тщательнее. Всего хорошего, – развернулась и быстрым шагом пошла прочь.

Нифонтов попробовал догнать ее, но Каргополова, не останавливаясь, пообещала:

– Если не останете, я вас во-он тому наряду полиции сдам, – и указала рукой на противоположную сторону улицы, где действительно медленным шагом фланировали двое полицейских.

Нифонтов вынужден был признать поражение и остановиться, чтобы не попасть в поле зрения наряда, потому что обнаружил отсутствие не только удостоверения, но и паспорта в сумке.

Глядя вслед удаляющейся Каргополовой, Борис едва сдерживался, чтобы не швырнуть сумку в лужу и не начать топтать ее ногами. Впервые с ним случилось такое – чтобы выйти из гостиницы без документов да еще не суметь получить нужную информацию.

«Ведь не хотел я сюда ехать, не хотел! – бушевал Нифонтов, не представляя, что теперь делать. – Как чувствовал – не выйдет ничего! Но нет же – Ник Нику сенсацию подавай, да еще мною подписанную! Два дня! Как вообще можно в таком темпе работать? Как можно набрать достаточно материала без помощи извне? Мог бы прокурору позвонить, между прочим!»

Но в душе Борис понимал, что звонок прокурору не решил бы ничего – в подобных делах вмешательство прессы всегда расценивается как нежелательное. И ведь следователь тоже, скорее всего, откажется от разговора без согласия на то от начальства. Замкнутый круг – а материал нужен, хоть убейся.

«Напиться бы, – с тоской подумал Борис, шагая обратно к остановке в надежде поймать там такси. – Наверное, в таких ситуациях это вполне оправданно, даже если ты в глухой завязке».

Паспорт нашелся в саквояже, в боковом кармане, Борис даже вспомнил, в какой момент сунул его туда, а вот удостоверения не было.

– Но я же не мог без него уехать, что за дичь? – в третий раз перерывая все вещи, бормотал Нифонтов. – Я вообще без удостоверения на работу не хожу, а уж чтобы в командировку укатить – ну, не смешно даже!

Но факт остался фактом – удостоверения нигде не было, и Борис так и не смог вспомнить, когда держал его в руках последний раз.

Фельдшер

– Я очень волнуюсь, когда ты на дежурство уходишь, – Светлана Александровна поставила перед Викой тарелку с драниками и придвинула блюдо со сметаной.

– Мама Света, мне уже не восемнадцать, я взрослая тетка, – Вика поправила тюрбан из полотенца на мокрых волосах и взяла вилку, – и потом – я же не пешком на вызовы хожу, со мной водитель, это как минимум, а теперь еще и стажер.

– Все равно ведь никогда не знаешь, кто вызвал. Вдруг какой-нибудь идиот...

– Тебе обязательно выдумывать эти страшилки? За столько лет работы на меня никто не нападал – и вдруг непременно должен?

– Ты как будто не слышала, что в городе какой-то маньяк объявился, – Светлана Александровна налила себе чай и присела напротив племянницы. – Сегодня опять по радио рассказывали, что труп обнаружили.

– Прямо сразу и маньяк! Кто вообще сказал, что эти убийства как-то связаны? – Вика откусила от драника и зажмурилась: – Все, ничего не хочу слышать, хочу только есть и наслаждаться... между прочим, опять лишний килограмм нажру, ты будешь виновата.

– Ешь, не оговаривайся. С твоей работой вообще надо есть всегда, когда возможность появилась.

– У машины просядет днище, – весело отозвалась Вика, но еще два драника в тарелку положила и залила сверху щедрой порцией сметаны.

Светлана Александровна крутила на блюде чашку и – Вика это чувствовала – никак не могла начать какой-то разговор, к которому готовилась.

Настроение испортилось – тема для этого разговора могла быть только одна, и имя ей – Максим Митин, который, кстати, был очень недоволен сорвавшимися планами. Вика чувствовала свою вину за это – могла бы согласиться и поехать, но отказалась, сославшись на долгую дорогу и совсем короткий промежуток времени, который им достанется в результате. Максим не стал спорить, но лицо его при этом выражало все, о чем он в этот момент думал.

– Викуля, это, конечно, не мое дело... – аккуратно начала тетка, и Вика внутренне напряглась – такое начало разговора никогда не сулило ничего хорошего, именно этими словами всегда Светлана Александровна начинала воспитательные речи еще в те времена, когда Вика училась в школе.

– Тогда зачем ты об этом заговариваешь? Если не твое дело, и ты сама себе в этом отчет отдаешь?

– Потому что я растила тебя не для того, чтобы ты ошибалась.

– Мама Света, как можно жить, не ошибаясь, а? У тебя есть рецепт?

– Ты не сердись, сперва выслушай, – в голосе тетки явно слышалось нежелание ссориться, и Вика вздохнула:

– Ну, давай, все равно ведь не остановишься, готовилась же.

Тетка пару минут молчала, смотрела в чашку, словно подсчитывала количество чаинок на дне.

Вика напряженно ждала – с самого детства она предпочитала мгновенное наказание за провинность, чем длинные, выматывающие душу воспитательные беседы, на которые тетка была горазда.

– Дело в том, Викуля... словом, мать одной из моих учениц работает в Горздраве, и я не удержалась, попросила ее узнать, кто такой этот твой Максим, раз уж ты категорически отказываешься меня с ним познакомить.

Вика почувствовала, как стали ледяными ладони, а по спине пробежал холодок страха. Ясное дело, тетка узнала и о том, что Митин женат, и теперь выскажет ей свое «фу» – для нее роман с женатым всегда был чем-то максимально неприличным, порочащим.

– Как же ты могла, моя девочка? Как ты до такого дошла, как докатилась? В какой момент я ошиблась? Где проглядела, а?

– Ой, ну, ты еще раскачиваться начни, как ванька-встанька, и причитать в голос, – с раздражением сказала Вика, разрывая вилкой дражник на волокна. – Подумаешь – женат... где их, свободных, возьмешь? И где у меня время на эти поиски?

– Вика! – тетка приложила к груди руку, и Вику сразу начала грызть совесть от этого жеста – тетке нельзя волноваться, собьется сердечный ритм, а это значит – препараты, «Скорая», возможно, снова госпитализация, а с момента последней прошло всего полтора месяца...

Виктория отложила вилку, встала из-за стола и опустилась на пол перед Светланой Александровной, положила голову ей на колени и пробормотала:

– Ну, мам Света... ну, что нам делать, а? Мы любим друг друга и понимаем, что поступаем нехорошо... но какой выход?

– Почему же он не разводится? Если любит и жить не может без тебя?

– Ну... там сложно все...

– Да, Вика, там сложно, – поглаживая ее по волосам, согласилась тетка. – Сложно – второй развод.

– Почему – второй? – не сразу поняла Вика.

– Потому, моя девочка, что доктор Митин впервые женился еще на втором курсе института, на пятом уже развелся и почти сразу женился на своей нынешней супруге. А ты не знала?

Вике показалось, что ей в затылок вбили раскаленный металлический прут, и теперь он медленно проходит через все тело, причиняя боль. Она боялась поднять голову, боялась сделать вдох – было ощущение, что в ту же секунду она расплечется и уже никогда не сможет остановиться. Второй развод... Максим никогда не говорил ей о том, что бы женат раньше. И если он умолчал о таком, то о скольких же менее важных вещах он ей не рассказывал? Что еще скрыл? Может, и дети у него есть, просто он не нашел нужным поставить об этом в известность ее, Вику?

Светлана Александровна осторожно поглаживала племянницу по волосам и молчала. Все, что хотела, она уже сказала, теперь наступила очередь Вики говорить и принимать решение. Конечно, тетка понимала, что едва ли это решение будет принято сию минуту, да этого и не нужно – под влиянием эмоций никогда ничего хорошего в голову не приходит, должно пройти время.

«Бедная моя девочка, – думала Светлана Александровна, заметив на макушке Виктории несколько седых волосков, – тебе и так досталось в жизни – ни отца, ни матери, а тут еще и этот хлыщ. Конечно, я все понимаю – где ей еще искать кавалеров, как не на работе, она ведь больше-то нигде и не бывает, времени нет. Но почему из всех она ухитрилась выбрать женатого? Да еще и с таким тестем. И, мало того... как жаль, что я не могу рассказать ей всего, сейчас еще не могу».

О родстве Митина с заместителем мэра города Светлана Александровна на всякий случай тоже решила Вике не говорить. Ей казалось, что именно этот факт и делает развод Митина с женой практически невозможным, и Вике совершенно незачем об этом знать, а то еще, чего доброго, начнет считать себя человеком второго сорта – если ее так и не предпочли дочке крупного чиновника.

– Ну, что ж, – вдруг произнесла Вика глухим от еле сдерживаемых рыданий голосом, – бронзовая медаль – это, наверное, тоже хорошо.

– Это на Олимпиаде хорошо, а не в брачном забеге.

– Ну, как выяснилось, мне бежать уже некуда. А довольствоваться третьим местом – ну уж нет. Мне и второе-то не нравилось, – она заплакала, снова ткнувшись лицом в теткины колени.

Вика рыдала так горько, что Светлана Александровна начала укорять себя за вмешательство, за то, что полезла в жизнь племянницы, что открыла ей глаза на любимого мужчину.

«Может, не надо было говорить? – мучилась она, слушая, как рыдает Вика. – Пусть бы и дальше... а что – дальше? Дальше морочил бы ей голову? Кормил обещаниями? А годы идут... и подвернется более молодая, которой тоже можно будет долго пудрить мозги. Нет уж, пусть лучше сейчас переплачет, перестрадает. Ничего, ничего... От этого семейства вообще лучше держаться подальше, она просто не знает об этом».

Неожиданно Вика поднялась, вытерла рукавом халата мокрые глаза и молча ушла из кухни. Из ее комнаты до Светланы Александровны донесся звук фена, потом стук ящиков комода, а через несколько минут Вика хлопнула входной дверью.

Светлана Александровна встала и на ватных ногах подошла к окну – племянница выскочила из подъезда и опротивею кинулась в сторону автобусной остановки.

«Боже мой, что я наделала?! – с испугом подумала тетка. – Ведь она сейчас что угодно может натворить, что угодно! Зачем я сказала?»

Вика не помнила, как оказалась в этой части города, как вообще добралась сюда, на другой конец, как вошла в этот парк, как села на лавку, а главное – откуда в ее руке появилось эскимо в блестящей упаковке. Она не ела мороженое с детства, не понимала его вкуса, и только сильный стресс мог заставить ее купить и съесть это лакомство.

Судя по тому, что в руке ее оставался довольно маленький кусочек на палочке, ела Вика его уже давно. Осмотрев остаток еще раз, она сморщилась и бросила эскимо в урну. Пугало не съеденное мороженое, не калории, которые неизбежно дадут себя знать, а провал в памяти.

Вика и прежде сталкивалась с этой проблемой, когда, сильно перенервничав, через какое-то время не могла вспомнить, что делала или как попала в какое-то место. Сегодня же она даже не могла вспомнить, с чего вообще все началось.

– Так, Виктория, успокойся и возьми себя в руки, – пробормотала она, стараясь не впасть в панику. – Почему у тебя влажные волосы? Наверное, ты была дома. Что-то произошло, и ты из дома ушла – вернее, убежала, раз волосы влажные. А что могло заставить тебя выйти из дома с мокрой головой? Правильно, скандал или ссора с мамой Светой. Уже легче...

На самом деле легче не стало, потому что причину ссоры Вика так и не вспомнила, как не вспомнила и то, как попала в этот парк.

Заболела голова, в висках словно застучали разом сотни молотков, грозя расколоть череп. Вика сжала голову ладонями, наклонилась к коленям, стараясь удержаться в сознании. Мимо проходили мамы с колясками, гуляли пенсионеры, но никто даже не поинтересовался, не нужна ли помощь скрючившейся на лавке женщине.

Вика просидела в такой позе до тех пор, пока не почувствовала, что в голове прояснилось. Народа в парке стало заметно больше – через него жителям спального района было ближе добираться от остановки. Вика бессильно сидела на лавке и никак не могла заставить себя подняться и поехать домой. Почему-то не хотелось видеть маму Свету, словно бы она чем-то сильно обидела ее, что-то такое сказала, от чего у Вики в один момент внутри образовалась огромная дыра, такая, что она ощущала ее физически. Но какие именно слова произнесла приемная мать, Вика вспомнить не могла.

«Наверное, так даже лучше, – вяло думала она, разглядывая причудливую кладку тротуарной плитки под ногами. – Мозг блокирует негативную информацию, чтобы организм снова не отреагировал. Какая, собственно, разница, кто и что сказал, когда тут посерьезнее проблема – такие провалы в памяти... Этак я вообще могу невесть что натворить и помнить не буду».

Эта мысль испугала Вику, и она почти машинально сунула руку в сумку, проверяя наличие там футляра со стерильным скальпелем, но его не было.

«О, господи... куда он делся?! Я же помню, как утром, выходя со смены, я взяла новый, а старый оставила на списание... Где он?!»

Лихорадочно роясь в сумке, Вика вдруг четко увидела картинку – ее рука, держащая вскрытую упаковку, но скальпеля в ней нет. И от этого стало еще страшнее.

Следователь

Полина возвращалась домой в половине десятого – заезжала в судебный морг к Зайченко, чтобы еще раз осмотреть трупы потерпевших.

Эксперт оказался прав – разрезы, обнаруженные на шеях потерпевших, были похожи один на другой, даже размеры отличались всего на пару миллиметров. И следов крови на трупах не было.

«Значит, их действительно сперва убили, потом уничтожили все следы... хотя одежда... не голыми же он их резал? – думала Полина, шагая по аллее от автобусной остановки к дому. – Ну, допустим, девушку еще можно как-то в эту схему уложить, в мужчину средних лет? Но рука-то явно одна и та же... Если моя версия с квартирой верна, то, опять-таки, мужчина не укладывается в схему в прямом и в переносном смысле – если убийца – тоже мужчина, то как он его в квартиру заманивал? Чем? Зайченко сказал, что могла быть и женщина. А что, запросто – если хирург, допустим. Но тогда – девушку куда? Черт бы побрал этих психов, никогда в их логике не разберешься. Надо еще заказать экспертизу на предмет наличия препаратов в крови – я только снотворным могу объяснить то, что один из трупов – мужской. А какой кайф резать обездвиженное тело тогда? Горите в аду, граждане психи...»

В квартире было тихо, только в самой глубине, в кухне, шумела вода – очевидно, Лев мыл посуду после ужина.

Полина сбросила ботинки и пальто, сунула ноги в мягкие тапочки и, кинув сумку на полку, прошла в ванную и быстро переоделась в висевший там халат. Одежду сразу сунула в машинку – не могла отделаться от мысли о том, что и блузка, и юбка пропитались запахами морга.

Лев никак не отреагировал на ее появление, даже не поздоровался, продолжая надраивать до блеска дно глубокой сковороды. Полина закурила, налила себе чаю, бросила ломтик лимона, сделала глоток и поморщилась. Муж по-прежнему молчал, только вода шумела да жесткая губка ожесточенно скребла дно сковороды.

«Мы никогда не были такими чужими, как сейчас, – вдруг с тоской подумала Полина, глядя в затылок мывшего посуду мужа и ощущая, как Лев раздражен. – Мы настолько чужие, что даже странно – что вообще мы делаем в одной квартире, как ложимся в одну постель?»

И тут она осознала, что вот уже несколько дней Лев спит на диване, а она, оказывается, этого даже не заметила.

– Лёва... у тебя кто-то есть? – хриплым от ужаса голосом выдавила Полина, боясь, что сейчас получит на свой прямой вопрос не менее прямой ответ.

– Что? – удивленно повернулся к ней муж, и с его руки на пол капнула пена от моющего средства. – Ты совсем с ума сошла?

Полина вскочила, ткнула в пепельницу сигарету и, подойдя к мужу, обняла его сзади, прижалась лицом к обтянутой футболкой спине и пробормотала:

– Ты, наверное, прав... я совсем сошла с ума... я забросила дом, забросила Инку, тебя... я все время работаю... и сейчас у меня такое запутанное дело...

– А когда они у тебя были другие? – со вздохом спросил Лев, не прекращая мыть сковороду. – Я ведь все понимаю, Поля, это работа, ее не выбирают. Но другие-то как-то успевают, а? Ты ведь не единственная женщина в прокуратуре.

Эта мысль никогда Полину не посещала – она мало общалась с коллегами-женщинами, да и когда было общаться, встречались только на совещаниях да в коридорах – «привет-пока». Наверняка у кого-то из них тоже были семьи, но не разговаривать же об этом на работе.

Полина вообще не могла себе представить, как это – разговаривать о том, что творится у тебя дома, с кем-то еще. Ее единственной подружкой была сестра Виталина, родившаяся на семь

минут позже, а потому считавшаяся младшей. Внешне они были настолько похожи, что человеку, знакомому с ними недолго, бывало трудно определить, кто из них кто. Высокие шатенки со спортивными фигурами – благодаря многолетним занятиям легкой атлетикой в детстве и юности, и только глаза у них были разного оттенка – карие, с желтоватым отблеском, у Полины, и зеленые – у Виталины.

С самого детства их обеих очень раздражала эта похожесть, одинаковость, и сестры всячески старались ее не подчеркивать вместо того, чтобы пользоваться этим преимуществом, например, при сдаче экзаменов. Даже профессии они выбрали разные, как всегда выбирали разных мужчин.

Виталина не стала получать высшее образование, к величайшему разочарованию родителей, а пошла в училище, закончив которое стала весьма хорошей портнихой, со временем открыла собственное ателье, наняла нескольких швей и закройщиц и теперь могла позволить себе не горбатить спину за швейной машинкой, а заниматься тем, что ей нравилось – конструированием одежды. У нее было много клиентов, но самым любимым была, разумеется, сестра, для которой Виталина шила еще в школе, набивая руку.

Но даже с Виталиной Полина никогда не обсуждала свою семейную жизнь и свои разногласия с мужем. А сегодня вдруг она поняла, что срочно должна с кем-то поговорить – иначе разорвется сердце. И Виталина подходила для подобного разговора как никто другой.

– Лёва... – выдавила Полина, не выпуская мужа из объятий, – мне все равно, что там у кого и как... я чувствую, что у нас что-то сломалось. А ты разве не чувствуешь? Мы как будто на льдине, и между нами трещина, а в ней вода уже, и вот-вот льдину вообще разорвет на две части...

– И на одной останемся мы с Инкой, а на другой – ты и твоя работа. И отправитесь вы с ней в обнимку в счастливое плавание, – подхватил Лев шутливым тоном, и Полина разозлилась:

– Я серьезно, между прочим!

– Ну, так и я не пошутил, – вздохнул муж, прекращая, наконец, мучить сковороду и выключая воду. – погоди, я руки вытру, – попросил он, неловко поворачиваясь в объятиях жены.

– Ты что же – на самом деле так думаешь? – потрясенно спросила Полина, глядя, как он вытирает руки полотенцем, как вытягивает сигарету из ее пачки, закуривает, чуть прикрыв глаза. – Лёва...

– Поля, ты решила поговорить об этом сейчас, на ночь глядя?

– А когда? Скажи, когда нам еще разговаривать?

– Ты меня об этом спрашиваешь? Это ты приходишь домой только ночевать, между прочим. Я в половине седьмого всегда дома, что бы ни случилось, – Лев выпустил облачко дыма. – Ты бы хоть спросила, где дочь.

– А... где? – у Полины вдруг перехватило дыхание от предчувствия чего-то нехорошего, но муж насмешливо посмотрел на нее:

– Что, вспомнила? Спит дочь.

– Ох... Лёва, зачем ты так? Я знаю, что не идеальная мать, знаю...

– Все, Поля, хватит. Эти самобичевания случаются у тебя раз в месяц, но ничего не меняется, и мы оба это понимаем – и я, и Инна. У тебя такая работа, ты делаешь ее отлично, ты вычисляешь преступников и подводишь их к наказанию – кто-то должен делать это. И лучше, если этот человек будет любить то, что делает. Как ты.

– Лёва, ты сердишься? – она смотрела в красивое, словно вылепленное руками талантливого скульптора лицо мужа и не могла понять, есть ли ирония в его словах.

Но Лев выглядел абсолютно серьезным:

– Поля, я когда-то шутил по поводу твоей работы? Я совершенно искренне считаю, что ты на своем месте...

– ...но мне не надо было создавать семью, если я хотела ловить преступников, да? – с горечью подхватила Полина, и Лев покачал головой:

– Иди-ка ты спать. Все равно сейчас никакого конструктивного разговора у нас не сложится, а ссоры на ночь – не самая удачная мысль. Приятных снов, дорогая, – он поцеловал ее в щеку и ушел, а через секунду щелкнул замок в двери, ведущей в гостиную.

– Еще и заперся, – пробормотала Полина с горечью, – как будто боится, что я посягну на его распрекрасное тело...

Назавтра сразу после работы Полина поехала на другой конец города, где в новом доме клубной застройки жила сестра с семьей.

Виталина удивилась – сестра нечасто баловала ее такими визитами, а потому, впустив Полину, сразу спросила:

– Случилось что-то?

– Почему? – удивилась Полина, сунув в руки сестре пакет с фруктами для племянников и бутылкой белого вина для них самих.

– Никогда ты не приезжала ко мне среди недели. Тапочки в тумбе возьми, – Виталина повернулась, окутав Полину тонким ароматом какой-то очень знакомой туалетной воды, и пошла в глубь квартиры, где располагалась просторная кухня с огромным дубовым столом, всегда покрытым льняной скатертью.

Полина посмеивалась над этой привычкой – ей казалось утомительным всякий раз приводить дорогой лен в порядок после застолий, но сестра пропускала все колкости мимо ушей:

– Нравится тебе с газетки есть – никто не возражает, а в мой домашний уклад не влезай.

Полина и не влезала, просто удивлялась, как у Виталины хватало терпения и времени на такие вещи, как крахмальные скатерти, выглаженное до идеального состояния постельное белье, ежедневное мытье полов и чистка серебряных столовых приборов. Сама Каргополова считала столовое серебро признаком какого-то дремучего мещанства, и в ее доме пользовались прозаичными вилками и ложками, купленными в посудном магазине, уборку она затевала только в выходной, и то не в каждый, и если бы не муж, непонятно, как вообще справлялась бы с домашними делами.

Виталина же придерживалась мнения, что дети должны с самого раннего возраста привыкать к хорошим условиям, к красивым интерьерам, к удобной посуде и правильно сервированному столу, чтобы в будущем у них появилось желание и самим обустроить свою жизнь подобным образом.

Оказавшись в уютной кухне сестры, Полина сразу уселась возле окна и приоткрыла створку:

– Я покурю, пока детей нет.

– Они еще не скоро, их сегодня Степан забирает, тренировка поздно заканчивается. Кури спокойно.

Виталина начала готовить ужин, попутно выставив на стол перед Полиной два бокала и штопор:

– Давай-ка по чуть-чуть, я же вижу, какая ты напряженная.

– Сильно заметно? – вкручивая штопор в пробку, спросила Полина.

– Конечно. Ну, выкладывай, пока никого нет, за этим ведь явилась.

Полина налила вино в бокалы, взяла свой, покрутила в пальцах:

– Мне кажется, Витка, у Лёвы кто-то есть.

– Что? – удивленно протянула сестра, закрывая холодильник, из которого только что вынула замаринованную рыбу. – У Лёвы? Баба, что ли? Да ты спятила, Польшка! У него на это элементарно нет времени.

– Когда надо, время всегда найдется. Веришь – а мне банально ни до чего, у меня опять дело сложное, и зацепок нет почти... Я всякий раз, сдавая очередное, говорю себе – все, хватит, пора что-то менять, и тут же образуется что-то новое, не терпящее отлагательств, требующее меня целиком, без отрыва на семейные дела, понимаешь? – Полина сделала большой глоток и зажмурилась. – А ведь мне тоже иногда хочется все это послать к чертям и заняться семьей – ну, чтобы как у всех, как у тебя – тихая гавань и все такое...

– Ой, да прекрати ты! – сунув в руку сестре только что очищенную морковь, сказала Виталина. – Ну, что такое эта «тихая гавань», «негромкое семейное счастье»? Бред сопливый. И не для твоего характера такие заморочки, Польшка. Я тебя знаю, как никто – и как только ты достигнешь этой мифической гавани, тебе там станет так скучно, что ты все тамошние кораблики спалишь к чертовой бабушке. Так что смирись, сестра, – то, что происходит в твоей жизни, вполне закономерно и соответствует твоим потребностям и запросам. Ну, может, стоит слегка подкорректировать собственное поведение.

– А что с ним не так? – хрумкнув морковкой, спросила Полина, удивляясь, как быстро сестра разложила по полкам ее переживания.

– Ты серьезно? – Виталина на секунду перестала шоркать морковкой по терке и повернулась к Полине. – Ты считаешь нормальным, что мужик взвалил на себя все домашние дела? Нет, я не спорю – кто успевает, у кого времени больше, тот и делает, ничего нет в этом ужасного, но, когда муж превращается в домохозяйку на постоянной основе, при этом еще и работа... Ну, знаешь, дорогая, это перебор.

Она снова принялась натирать морковку, а Полина, подперев щеку кулаком, снова спросила:

– Ты думаешь, Лёву это напрягает?

– А то нет!

– Он бы мне сказал.

– Я вот больше чем уверена – говорил, и не раз. Но ты так вечно занята, что могла и не услышать.

Полина округлила глаза:

– Ерунды не говори!

– Ой, перестань! – отмахнулась Виталина. – Это у тебя никогда нет времени на общение с родственниками, а твой муж, между прочим, никогда не пренебрегает семейными торжествами. И там мы с ним, представляешь, разговариваем. Но ты об этом, конечно, ничего не знаешь.

– Ты теперь мне мамин день рождения до старости припоминать будешь? Я дежурила, не могла уйти! А маме вообще все равно!

Виталина ссутулила плечи, оперлась руками о столешницу и проговорила негромко:

– Маме – да, все равно. А мне – нет. И детям нашим тоже – я ведь это для них делаю, чтобы помнили бабушку.

Их мать умерла пять лет назад, сгорела в пожаре, устроенном нетрезвым соседом в их двухэтажке. Тогда погибли все жильцы четырех квартир – кроме самого виновника пожара.

Полина испытала что-то похожее на укол совести – сестра изо всех сил старалась сплотить два их небольших клана в одну большую семью, пыталась наладить связи, сделать так, чтобы ее дети и дочь Полины чаще встречались и чувствовали себя по-настоящему близкими людьми, а она, Полина, не только не помогала ей, но еще и постоянно роняла реплики вроде сегодняшней – «маме все равно».

– Витка... ну, прости меня, родная, – отбросив морковку на стол, Полина подошла к сестре и обняла, чмокнула в щеку. – Я так зачерствела на работе... все понимаю – нельзя так, надо брать себя в руки, но... ты понимаешь, всякий раз, видя очередной труп или очередного урода, по какой-то зверской прихоти лишившего жизни другого человека, я словно теряю что-то, какой-то кусок души, способный сопереживать. Мне никого уже не жалко, я и эмоций-то никаких не испытываю. Да, я знаю, ты скажешь – в семью тащить это не надо, и будешь права... сто раз будешь права, как и всегда. А я просто разучилась...

– Вот уйдет от тебя Лёвка, вмиг обратно научишься, – пробурчала сестра, впрочем, без какой-либо злобы. – Все, не мешай мне, а то не успею ничего, скоро Степка приедет с детьми.

– Как у вас-то с ним, нормально?

Виталина пожала плечами:

– А когда у нас было иначе? Он меня любит.

– А ты?

– С ума сошла? – рассмеялась сестра, высыпая морковь в салатник. – Я без него дышать не могу.

«Интересно, это страшно – завидовать собственной сестре? – мучительно думала Полина, возвращаясь домой. – У них со Степкой так все... как в кино. А я, похоже, давно могу дышать без Лёвы. И он без меня тоже. Но ведь раньше так не было! Или раньше я меньше работала?»

С этими мыслями она вошла в аллею, ведущую к дому, и вдруг услышала шаги за спиной.

Почувствовав, как ее с ног до головы обдало холодом, Полина постаралась взять себя в руки, собраться и ускорить шаг. Ей оставалось всего несколько метров до хорошо освещенного двора, в котором явно кто-то будет – собачники, например, возвращающиеся с прогулки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.